Совместно нажитое

Автор:
Ирина Мясникова

Совместно нажитое

Ирина Николаевна Мясникова

Совершенно случайно у Марины с носа съехали розовые очки, и она тут же убедилась, что от любви до ненависти действительно один шаг. Или это была не любовь? А как же тогда двадцать пять лет семейной жизни и замечательный сын Юрка? В ситуации, в которую попала Марина, многие женщины предпочитают зажмуриться и упорно не замечать окружающую действительность, некоторые эту действительность принимают, смиряются с ней и живут дальше, затаив ненависть. Марина решает изменить свою жизнь, но не тут-то было. Жена должна убояться мужа, ведь у него деньги, связи, возможности и крепкие кулаки.

Ирина Мясникова

Совместно нажитое

Все персонажи романа, события, фамилии, названия, организации и предприятия являются вымышленными.

Все совпадения случайны.

Автор заранее извиняется, если кто-то узнал себя, своих знакомых или вообще на что-то обиделся.

Это всё сказки, полное враньё, и «так не бывает».

Реален только Санкт-Петербург и совсем немножко его район Купчино.

– Ляль, что ты знаешь про простатит? – Марина задала столь непростой вопрос лучшей подруге во время бизнес-ланча.

Этот самый бизнес-ланч подавали в ресторанчике, находящемся аккурат посередине пути между офисами Марины и Ляли. Это было очень удобно, поэтому Марина с Лялей зачастую встречались там в обеденное время. Разумеется, встречались они не каждый день, а когда требовалось обсудить что-нибудь очень важное. Вот, как например, сейчас. Обычно в ресторане кормили вполне прилично и даже блюда назывались так же, как и в меню бизнес-ланча, но объем и время приготовления этих блюд существенно отличались от блюд бизнес-ланча, так же, как и их цена. Марина с Лялей иногда посещали этот ресторан и вечерком, после работы, в это время можно было понять, наконец, как должен выглядеть, и каков на вкус настоящий салат из утиной грудки с апельсинами, рукколой и клубникой. Но во время бизнес-ланча выбирать не приходилось. Комплексный обед из трех блюд в трех вариантах на выбор. Быстро, дешево и сердито. Конечно, Марину и Лялю при всём желании нельзя было бы назвать бедными девушками или даже девушками среднего достатка. Ведь ни одна из них никогда бы не надела на выход, то есть, туда, где собираются подобные им особы, туфли или сапоги из прошлогодней коллекции. Марина уж точно не стала бы форсить с подобной сумочкой, и даже про шубу бы десять раз подумала, стоит ли надевать то, что у приличных людей в этом году уже не в тренде. Однако в силу своего образования, советского детства и перестроечной юности обе подруги прекрасно умели считать деньги, уважали распродажи, скидки и искренне радовались за людей, которым удается экономить. Ведь даже очень богатые люди не любят переплачивать. Конечно, если они сами хоть чего-нибудь, хоть когда-нибудь заработали, а не уворовали или получили по наследству. Поэтому если твое обеденное время совпадает с бизнес-ланчем обычных служащих, как говориться, жри, что дают, и не выделывайся.

На важный вопрос лучшей подруги Ляля сделала круглые глаза и сказала:

– Нууу… Простатит – это то, что нам с тобой определенно не угрожает.

– Это с какой стороны посмотреть. – Марина пожала плечами и тяжело вздохнула. – Иногда вполне даже угрожает. В смысле не напрямую, а опосредованно.

Перед её глазами встала широкая спина сладко храпящего супруга. А ведь когда-то они спали в обнимку, ну и …

– У вас Сережкой проблемы, что ли? – догадалась Ляля.

Марина кивнула.

– Не так, чтоб очень, но не как раньше, ну это…, – зашептала Марина, оглядываясь по сторонам. – Раз, два в неделю и всё. А то и вовсе. Ну, если командировка какая.

– Ну, кому-то и раз, два в неделю – праздник. И безо всякого простатита, заметь.

– У вас с Петюней тоже всё так плохо?!!! – Марина слегка опешила. Правда, с одной стороны она посочувствовала подруге, а с другой бессовестно обрадовалась, что не только у неё подобные проблемы.

– При чем тут мы с Петюней? Я в принципе. Всё относительно.

– Конечно, относительно, – согласилась Марина. – Но по отношению ко мне так не должно быть. Это неправильно.

– А ты у Вики насчёт простатита спрашивала?

– У какой Вики? – удивилась Марина. Никакой такой Вики, у которой можно было бы поинтересоваться столь интимным вопросом, она не знала.

– У Википедии. – Ляля постучала себя кулаком по лбу.

– А-а-а, у этой… Разумеется, и у Вики, и у английских учёных, но мне интересно твое мнение, как психолога.

– Какой я теперь психолог? – Ляля махнула рукой.

– Дипломированный.

– То ж когда было! Ты ж не думаешь, что тот, кто сто лет назад закончил психологический факультет, и есть самый настоящий психолог?

– Но ты ж директор по персоналу. Используешь там к людям свои подходцы психологические.

– Не выдумывай. Это раньше директор по персоналу чего-то решал, во времена расцвета отечественного частного бизнеса, а сейчас в большинстве случаев это кадровик-затейник. Особенно у «госов» и «полугосов», а я у «госов»!

– А я думала, что ты как эта тётка в сериале «Миллиарды» влияешь всячески на людей, а они изо всех сил пашут, ускоряются и дают стране, в смысле фирме, угля, в смысле прирост надоев, ну, ты понимаешь!

– Если бы! Это у них там, у настоящих капиталистов. – Ляля закатила глаза и помахала рукой у себя над головой. – А у нас хотя бы надо, чтобы люди не опаздывали на работу, и на том спасибо. Но если хочешь знать моё сугубо обывательское мнение, то простатит – это периодический нестояк со всеми вытекающими.

– Что за вытекающие?

– Сплошная нервотрепка, вопли, истерики, угнетенное состояние и всё такое. У большинства мужиков около и после пятидесяти оно присутствует. Нам-то, девушкам, хоть бы что! У нас одна проблема – нахлынет или нет, найдёт он у тебя нужную кнопку, нажмет на неё вовремя, получишь ты свой оргазм или всё ограничится ёрзаньем, ахами, охами и мыслями о постороннем. А у них проблем выше крыши. И первая – встанет или нет?! А уж твоя кнопка дело десятое.

Внимательно слушая подругу, Марина вдруг ощутила вокруг звенящую тишину. Никто деловито не стучал ложками, не гремел посудой. Ляля, как директор по персоналу, ну, или как кадровик-затейник, говорила хорошо поставленным руководящим голосом, и немудрено, что все присутствующие в ресторанчике

оторвались от своих бизнес-ланчей и тоже прислушались. Видимо, тема, и правда, оказалась животрепещущей.

Марина огляделась и понизила голос:

– Ты говоришь, у большинства после пятидесяти оно есть. А чего ж они тогда всем скопом на молодых баб кидаются? Тот самый бес в ребре у них заводится? Как-то бес с этим нестояком, как ты говоришь, очень плохо сочетается. Это же вещи взаимоисключающие.

– Ничего подобного. Некоторые индивидуумы подозревают, что причина их беды в бабе, думают, стоит только бабу поменять старую на новую, и всё наладится, а некоторые, которые поумнее… Ты себя вспомни в молодости, – Ляля и не подумала говорить тише. Она этого просто не умела. – Оно тебе было надо? Секс этот? Ты ж ещё про свою кнопку ничего толком не знала. Скорее б отвязался, вот и вся любовь. Это потом тебе уже без секса невмоготу стало. Вот. Потому они все к молодым девкам и бегут, что тем ничего особо и не надо. Ну, не совсем ничего, разумеется. Денежки-то вынь да положь. Уж будь любезен. А деньги у наших старперов в большинстве случаев в этом почётном возрасте уже имеются. И простатит имеется, и деньги. Не у всех конечно, а исключительно у тех, кто к молодым бабам от старых жён убегают. Кому они нужны без денег, простатитчики эти?!

– А мне не денег, мне секса надо! Очень! Кто б мог подумать? С чего бы это? – прошептала Марина.

– Гы-гы! Темнота! Это ж известный медицинский факт. У тебя на носу та самая чёртова ягодка – сорок пять. Самый сексуальный бабский возраст. Гормон начинает туда-сюда двигаться. Играет, как поется в советской песне.

– И чего делать? С этим гормоном? Куда его девать, как использовать в мирных целях? Сережка с утра до вечера на работе. Совещания сплошные, переговоры. Устает. На простатит этот чёртов жалуется. А я, получается, как тот самый пресловутый муж, у которого жена-нехочуха постоянно головной болью мается. Хожу как дура с намытой шеей, в смысле с эпиляцией и педикюром.

Марина вспомнила недавнюю эпиляцию и сморщилась. Сомнительное удовольствие.

– Ну, так заведи себе кого-нибудь. Желательно молодого. У молодых со стояком никаких проблем уж точно не бывает. Все ягодки так делают. В смысле большинство, ну, многие. – Ляля обвела взглядом зал.

Марина автоматически последовала её примеру. Ягодок в зале, кроме Ляли и Марины, было и не сосчитать, а ещё мужчин в том самом простатитном возрасте. Присутствовали так же и молодые люди. Те самые, которых следовало ягодке завести. Молодые сидели, уткнувшись в айпады и смартфоны, и проблемой простатита точно не интересовались. Впрочем, как и ягодками.

– С ума сошла. Я ж Сережку люблю. Очень.

– Одно другому не мешает. Я вот читала одна актриса английская, забыла, как зовут, ну, очень известная, прям мировая звезда, живет сразу с двумя мужиками. Один постарше, другой помладше.

– Бедный чувак!

– Кто?

– Который постарше, конечно! Он же ещё эту всю тусовку и содержит. Как ты сказала, простатит и деньги у него.

– С чего ты взяла? Может, она сама за всех платит со своих сумасшедших кинематографических гонораров. Или вовсе молодой всех кормит? Она ж легенда. Вроде ещё и аристократка. Ему с ней интересно, а за всё надо платить.

– Чего там интересного? Втроём? – Марина представила и ужаснулась. – Дураки какие. Проще, наверное, всё-таки простатит вылечить.

– Иди, попробуй.

Присутствующие в ресторане при этих Лялиных словах тяжело вздохнули, уткнулись в свои тарелки и застучали столовыми приборами с новой силой. Или Марине это показалось?

Вечером муж Марины, любимый Сережа, как всегда в последнее время пришёл поздно и сообщил, что с утра улетает по делам в Женеву, вернется только в пятницу, просил без него не скучать. Правда, просьбу свою подкрепил очень убедительно, как в старые добрые времена, когда никто ещё ни о каком простатите в их семье слыхом не слыхивал. Довольная, практически счастливая Марина сказала, что скучать ей точно не придется, так как на работе аврал. Ближе к концу года заказчики, как водится, один за другим принялись погашать задолженности по платежам за выполненные работы. Деньги необходимо распихать по закромам да так, чтобы комар носа, то есть налоговая ни сном, ни духом… Ну, сами понимаете. Обычные будни финансового директора в преддверии окончания финансового года.

Пока Марина щебетала мужу про финансы и их проблемы в конце отчетного периода, Сережа, как и положено, захрапел. Но Марину это уже совершенно не обеспокоило и раздражения не вызвало. Она поцеловала любимую спину и тоже заснула с блаженной улыбкой.

С утра Марина накормила мужа завтраком, его любимой овсяной кашей, пожелала ему хорошего полёта и отправилась на работу заниматься теми самыми финансовыми проблемами. Финансы упорно сопротивлялись и не желали оптимизировать и минимизировать налоговые отчисления. Ближе к обеду Марина поняла, что съесть бизнес-ланч в приятной компании ей сегодня точно не удастся, и попросила помощницу Кристину организовать ей какой-нибудь рогалик и кофе. Вот за кофе с рогаликом и раздался этот странный подозрительный звонок.

– Марина Викторовна? – поинтересовались из телефона женским голосом.

– Да! Слушаю вас внимательно. – Марина поставила телефон на громкую связь, чтобы не отрываться от компьютера, в котором, как уж на сковородке, всячески выкручивались неподдающиеся финансы.

– Это Лена. Я не знаю, как связаться с Сергеем Владимировичем. Мне сказали, что вы мне можете помочь.

Сергеем Владимировичем в миру именовался муж Марины Сергей, а именно горячо любимый Сережа.

– Может, и могу. А вы кто? – Марина жевала рогалик и размышляла, скинуть ли ещё денег на фирму «Икс», или лучше отправить их на «Игрек».

– Я же сказала. Я Лена. Я не знаю, что мне делать.

– Изложите подробнее. – Марину уже стала раздражать эта ситуация, какая-то Лена и её трудности. Это всё очень мешало работе, поэтому требовалось как-то побыстрее отвязаться. – В чем ваша проблема?

– Сергей Владимирович как обычно прислал мне билет.

– Какой билет? Не тяните. Я очень занята.

– Билет на самолёт, разумеется. В Вену. Я вчера прилетела, приехала в отель, он тут номер забронировал, а его нет.

– Кого нет? – Не поняла Марина. Эта Лена определенно мешала разобраться с финансами, а финансы никак не давали полностью сконцентрироваться на Лене.

– Сергея Владимировича! Он обещал меня сегодня в Оперу сводить на «Дон Жуана».

– В Оперу? Вы ничего не путаете?

«Серёжа и опера категорически несовместимы, – подумала Марина и ухмыльнулась. – Разве что если Зенит там играет прямо на сцене. Это раз. Серёжа в Женеве и в Вену не собирался. Это два. Какая-то ошибка, наверное».

– Ничего я не путаю. Я учусь в консерватории. У меня сопрано. Лирическое. В «Дон Жуане» Донна Анна, Донна Эльвира и Церлина – это всё сопрано! Вы понимаете, о чем я говорю? Сергей Владимирович не сможет со мной встретить Новый год, у него дела какие-то очень важные, поэтому решил сделать мне приятное. Понимаете? Сюрприз такой предновогодний. Я ему звоню, а у него телефон выключен. Может, случилось что? Я же волнуюсь!

Марине стало нехорошо. Она чуть не подавилась рогаликом. С какого перепуга Серёжа вдруг какой-то девице делает приятное, потому что не сможет

встретить с ней Новый год из-за важных дел?

– Лена, – решила уточнить Марина, откашлявшись. – Я не совсем поняла, вы собственно кто? Кем приходитесь Сергею Владимировичу?

– Невестой конечно! А вы разве не знаете?

– А почему я должна это знать?

Сказать, что у Марины из головы вылетели все цифры, и соответственно финансы, это ничего не сказать. Нет, финансы точно вылетели, но не это главное. Сказать, что Марина сидела, как пыльным мешком стукнутая, тоже ничего не сказать. Потому что кто его знает, как должен чувствовать себя человек, стукнутый этим самым пыльным мешком. Марину никогда никто не бил пыльным мешком. А вот челюсть у неё, разумеется, отвисла. Что да, то да! Определенно отвисла челюсть.

– Ну, вы же его личная помощница! – пояснила Лена. – Ой, кажется, дверь открывается, кто-то пришёл. Да! Это он. Всё в порядке. Извините, что побеспокоила.

В трубке послышались короткие гудки. Марина с трудом вернула челюсть на место и тряхнула головой в попытке придти в себя. Что это было? Она посмотрела на телефон, как на ядовитого паука. Некоторое время она просидела, тупо глядя на цифры в компьютере, потом решила, что такого не может быть, потому что не может быть никогда. Она осторожно взяла телефон и набрала номер супруга.

– Мартыш? – весело спросил он. – Уже соскучилась?

– Ты где?

– Доброе утро! Угадай! С утра вроде в Женеву полетел. Или ты забыла? Вот из аэропорта еду. Хорошо, что ещё не спрашиваешь, кто я такой! – Он гоготнул. – Типа, ты где? Я тут! А ты кто? – Он опять гоготнул.

Любимый Серёжа имел такую милую Марининому сердцу особенность весело гоготать.

– Мне только что позвонила Лена, – не отвлекаясь на умиление по поводу его гогота, продолжила Марина.

– Какая Лена?

– Твоя невеста.

– Мартыш, у тебя с головой всё в порядке? Ты не заболела? Жар, галлюцинации?

– Нет, я здорова. Вполне. – Марина машинально потрогала свой лоб. – Она сказала, что ждёт тебя в Вене, чтобы в Оперу идти. Говорит, ты обещал ей сделать приятное. Предновогодний сюрприз.

– В Оперу? Я?! Ещё скажи в филармонию! – Муж в трубке опять гоготнул. – Тебя разыграли что ли? Вот уроды! Узнаю кто, уши оборву. А сейчас, пока-пока. Некогда мне! Подготовиться надо. Переговоры очень важные. Чмоки.

Он нажал отбой. Марина облегченно выдохнула. Ну, да! Какая невеста?! Вон он как гогочет. Так гоготать только с чистой совестью можно. Действительно, придумают тоже. Опера!!! Марине, правда, иногда удавалось его заманить в оперу, но только на какие-нибудь резонансные спектакли, о которых говорил весь бомонд. Случалось это редко, не чаще, чем раз в два, три года. После этого он обычно долго плевался и клялся, что больше никогда, ни ногой!

Марина со спокойной душой погрузилась в свои цифры. На этот раз цифры послушались и стройными рядами распихались по разным карманам предприятия.

Вечером, правда, на душе у неё всё-таки сделалось неспокойно, как будто заскреблось нечто, наверное, те самые кошки. В книжках так и пишут: на душе заскребли кошки! Марина залезла в интернет и выяснила, что за спектакль нынче в Венской Опере. Оказалось, и правда, «Дон Жуан». Марине снова сделалось нехорошо. Она налила себе бокал вина, включила телевизор, отключила звук и задумалась. Под мелькание ярких цветных картинок на экране

думалось замечательно. Но тут раздался телефонный звонок, оказалось муж.

– Мартыш, ты там как? – поинтересовался он. – Про оперу, небось, задумалась?

– Ага! – призналась Марина. А чего скрывать? Вон он и сам догадался. Знает свою жену. Недаром двадцать пять лет вместе прожили.

– Напомни, как называется?

– «Дон Жуан».

– Это про бабника, что ли?

– Про него. И про сурового мужа. Его Командор зовут. Он покойник.

– Интересно. Я думал, про бабников и покойников только в кино показывают. А тут в опере поют. Надо же! Кстати я про бабников люблю. Я сам бабник. Слышь, и невеста у меня есть. – Он радостно загоготал. – Зачем бабнику невеста? Вот скажи?

– Не знаю. Может, влюбился до потери сознания и хочет жениться.

– Бабник хочет жениться?! Нет! Бабник должен с чужими женами путаться. А невеста – это точно не ко мне. Вот когда тебе чужая жена позвонит…Так что спи спокойно, дорогой товарищ!

– Так и сделаю, – Марина улыбнулась и нажала отбой.

Действительно, как она могла подумать такое про Серёжу. Она вспомнила, как они вчера вечером любили друг друга, зажмурилась, потянулась, чуть не заурчала. И правда, кто-то разыграл. Кому их счастливая жизнь покоя не даёт? Хотя таких полно. Вон, та же Лялька. Конечно, она лучшая подруга, однако всю жизнь Марине завидует. Завидует с умом, старается этого не демонстрировать, но у неё ж на лбу всё и так написано. Ведь у Марины и ноги самые длинные, и муж самый красивый, не то, что Лялькин Петюня, и денег у Марины, благодаря мужу, как у дурака фантиков, и вообще чего только у Марины нет! Ещё и работа интересная. А главное, что есть у Марины – это сын Юрка. Умница и отличник.

Учится за границей, маму с папой радует. А вот Лялька, бедная, всю жизнь родить пытается, и всё никак. Марине стало до слёз жалко лучшую подругу и её мужа Петюню. И вообще всех стало жалко, кто живёт хуже неё, Марины. Поэтому думать, что есть некто, кто до такой степени её ненавидит, что отважился на подобный розыгрыш, совсем не хотелось. Хотелось всем нравиться и вызывать всеобщий восторг и уважение. А вот совпадение вполне может быть. Мало ли девушка номером ошиблась. И всё совпало, и даже имена. Всё. Кроме главного. Зачем Серёже невеста? Даже если он вдруг пошёл налево, что невозможно, но допустим, чисто теоретически, что пошёл, то кругом полно разных девиц ни на что не претендующих. Тех самых чужих жён. Невестой девушке мозги запудрить можно только для смеха. Или эта девушка совсем дурочка? Ну, да! Консерваторка. Лет двадцать, наверное. Ишь ты, Церлина!

Можно было бы, конечно, перезвонить на номер этой Лены, который остался в памяти телефона, но Марина почему-то побоялась это сделать. Вдруг вспомнилась беседа с Лялей, почему пятидесятилетние простатитчики женятся на молодых девицах. Как говорится, ложечки нашлись, а осадочек остался. Или ложечки всё-таки не совсем нашлись?

Тут Марина вспомнила про Розу Львовну, секретаршу мужа. И как она сразу не догадалась ей позвонить? Она набрала номер, извинилась, что беспокоит в нерабочее время, поинтересовалась самочувствием, а потом прощебетала:

– Розочка Львовна, я тут совсем зарапортовалась, конец года, аврал, да вы же сами прекрасно знаете, напомните мне, пожалуйста, куда полетел наш орел, в смысле Сергей Владимирович. Что-то я запамятовала, а ему звонить неудобно. Скажет, впала моя благоверная в маразм.

Роза Львовна понимающе хихикнула и отрапортовала.

– Руководство в Женеве. Переговоры по трубопроводу. Финансирование и всё такое.

Марина рассыпалась в благодарностях, нажала отбой, залпом допила вино, приняла душ, почистила зубы, намазалась кремами и завалилась спать. Уже засыпая, вспомнила, что за весь день съела за завтраком кусок сыра, а в обед тот самый рогалик. Бокал вина и ведро кофе не считаются. Почувствовала, что худеет, улыбнулась и заснула. Спала, как младенец.

На следующий день утром встала на весы, обрадовалась цифрам, повертелась перед зеркалом в голом виде и решила, что от таких жен к молодым девицам не уходят. Она и сама ещё ого-го какая молодая. И не просто молодая, а ещё и красивая. Тем не менее, решила не останавливаться на достигнутом. В смысле, продолжить работу над стройностью. Ведь как известно, совершенству нет предела!

После обеда, состоявшего опять из кофе с рогаликом, Марину вызвал к себе её непосредственный и единственный начальник Ганнушкин. Ганнушкин являлся владельцем и одновременно генеральным директором предприятия, в котором Марина заведовала финансами.

– Мариш, выручай! Моя Светка билеты в театр ещё месяц назад взяла, готовилась, платье новое и всё такое, ну, ты понимаешь, а тут Байкачаров, чёрт, нагрянул с утра. Сейчас в переговорной чертежи с бабой Верой утрясает. Ей же главного заказчика подавай, она ни с кем ниже рангом и разговаривать не будет. А Байкачарова вечером обязательно выгулять и поужинать надо, как положено. Не с бабой Верой же ему идти. Своди его куда-нибудь, будь добра, и ни в чем не отказывай.

– Незваный гость хуже татарина! – хмыкнула Марина. – Может, ты его со Светкой своей в театр отправишь? Не пропадать же платью!

– Издеваешься? А я ведь могу обидеться и обиду эту затаить, а потом припомнить тебе невзначай.

– Звучит убедительно. Так и быть.

Вообще-то Марина легко могла бы послать Ганнушкина подальше, несмотря на своё большое к нему дружеское уважение, но сегодня вечером Серёжа ещё будет важно переговариваться насчёт трубопроводов в своей Женеве. Спрашивается, чего ей делать дома одной? У неё же нет билетов в театр. А потом ходить в театр, в кино или в музей в одиночку – это же сущее наказание! Марине просто необходимо делиться с кем-нибудь своими впечатлениями от увиденного, услышанного или даже съеденного. И уж если делиться не с любимым Серёжей, который в настоящий момент переговаривается в Женеве, то с сыном Юркой, который сейчас учится в Португалии, или с лучшей подругой Лялей, которая сегодня вместе с мужем празднует день рождения свекрови, на

худой конец, с Байкачаровым, который Марине очень даже симпатичен, хоть и чёрт, как справедливо заметил Ганнушкин.

В отрасли, где процветало предприятие Ганнушкина, у Тимура Байкачарова сложилась репутация человека жёсткого, хитрого и опасного. Ну, Марину-то его репутация никаким боком не беспокоила. Она ж к этой самой отрасли сбоку-припеку. Её не технологические процессы интересуют и не проблемы привязки оборудования, а денежки на счетах родного предприятия, своевременное их туда поступление и правильность оформления необходимых для этого документов. Ей финансовые расчёты важны, а никак не технологические.

Байкачаров приезжал к ним на предприятие из Москвы довольно часто. Фирма Ганнушкина изготавливала и поставляла оборудование для нескольких объектов крупной компании, где Байкачаров возглавлял отдел капитального строительства. Конечно, не дело такой важной шишки согласовывать чертежи, но баба Вера, главный технолог предприятия Ганнушкина, женщина семидесяти двух лет и советской закваски, желала иметь дело только с ним. Она считала его самым толковым специалистом в компании и чуть ли не гениальным инженером, поэтому требовала его приезда в тех случаях, когда вдруг возникали нестыковки с другими подрядчиками. Ведь и правда, как Байкачаров скажет, так оно в результате и будет. Чего надрываться на уговоры, переговоры да время тратить? Сама баба Вера значилась уникальным технологом, имела железный авторитет в определенных кругах и громкое имя, правда, в силу своего возраста она категорически никуда не ездила. Даже ни в какие заграницы её было не заманить, чего уж говорить о Москве. Так что Магомет являлся к горе, если и не по первому требованию, то по возможности максимально быстро. Ну, и соответственно, мог нагрянуть полным нежданчиком. Выкроил время и примчался разрешать накопившееся.

Разумеется, Ганнушкин всегда знакомил Марину со всеми важными заказчиками. Ведь договора с ними оформлять, платежи отслеживать и деньги у них выпрашивать приходилось именно ей, а не Ганнушкину или бабе Вере. Знакомиться всегда лучше в дружеской непринужденной обстановке, поэтому Марина нередко сопровождала Ганнушкина на деловых ужинах. Одну Марину на ужин с заказчиками Ганнушкин отправлял только в исключительных случаях и только тогда, когда Марина уже хорошо знала человека, с которым ей предстоит ужинать. Так чисто за компанию, в лучших традициях гостеприимства. А вот командированные в Питер дамочки, представлявшие заказчиков с периферии и вовсе все были на попечении Марины. Она их водила не только по ресторанам,

но и по магазинам. Правда, дамочки приезжали редко.

Марина получила у себя в бухгалтерии изрядную сумму на представительские расходы и в конце рабочего дня заглянула в переговорную. Байкачаров с бабой Верой подписывали какие-то документы и довольно хихикали, как нашкодившие шестилетки.

– Баб Вер, я у тебя мужчину забираю, – сообщила Марина. – Мне велено его напоить и накормить.

– Здравствуйте, Марина Викторовна! А спать уложить? – поинтересовался Байкачаров.

– Ага! Здравствуйте, Тимур Олегович. Спать уложить и песенку спеть про серого волчка? Перебьетесь! Накормить накормлю, развлеку приятной беседой о погоде, потом отвезу к гостинице и там выброшу. Если, конечно, у вас нет других планов.

Подобный стиль общения с многочисленными важными заказчиками, посещавшими их предприятие, у Марины выработался не сразу. По молодости она могла покраснеть и застесняться, но с возрастом поняла, что церемониться с командировочными не надо. У них у всех одно на уме, а именно хорошо провести время вдали от жены и детей. Опять же за спиной Марины всегда маячила тень её грозного супруга, который тоже заказчик не менее важный и если что всем уши оборвет и шеи посворачивает. Чего греха таить, это придавало Марине определенной уверенности.

– И на том спасибо! – Байкачаров глянул на Марину хитрым чёрным глазом, и у неё отчего-то побежали по спине мурашки. Она уже и забыла, что такое с ней уже один раз случилось, когда их познакомили. Вот так же, ни с того ни с сего, раз, и мурашки по всему телу.

– Вы где остановились? Неужели опять в «Европе»? – поинтересовалась она, проигнорировав странные ощущения.

– В ней самой. Да ещё в люксе. Могу вам экскурсию устроить. Там симпатично. Уверен, вам понравится.

– Куда только ваша бухгалтерия смотрит? – Марина пропустила мимо ушей глупые намёки. Ещё чего, люкс она с ним пойдёт смотреть, размечтался. – В люксе живёте, так ведь и летаете наверняка бизнес классом! Вот что значит полугосударственная компания. Никто денег не считает. Случись что, страна всегда покроет убытки из бюджета! Понимаешь, баба Вера, всё за счёт твоей пенсии.

– Так ты, Тимурка, на мою пенсию в «Европах» жируешь да в этих бизнес классах из иллюминатора выглядываешь? – Баба Вера подбоченилась.

– Точно, баб Вер! Правда, я к вам не летаю, предпочитаю на «Сапсане», там иллюминаторов нет, но бизнес класс имеется. Там тоже симпатично. Марина Викторовна кругом права. Без этого самого бизнес класса я ни шагу. Интересно, куда она меня повезет поить-кормить? В столовку? Как я теперь понимаю, будучи финансистом частной компании, Марина Викторовна будет на мне экономить.

– Не волнуйтесь, уверена, вам понравится. В той столовке, как вы говорите, симпатично. – Марина усмехнулась, но в глаза Байкачарову постаралась не смотреть. Вдруг опять мурашки приключатся. – Баб Вер, может, ты тоже с нами?

– Ещё чего! Ваше дело молодое, зачем вам третий лишний, да ещё к тому же и старуха. Причем вредная старуха. Ступайте с богом! Только сильно там не увлекайтесь, завтра вроде рабочий день. Хоть и пятница-развратница. – Баба Вера хихикнула.

Байкачаров надел элегантное кашемировое пальто и они с Мариной выкатились на улицу. За день маленький, но дорогой и престижный автомобильчик Марины весь засыпало снегом. Она завела мотор и принялась чистить машину щёткой.

– Дайте сюда! Мне сподручней. – Байкачаров отнял у Марины щётку и ловко очистил автомобиль от снега. Еще бы, с его-то ростом. Марина бы не менее получаса подпрыгивала, да так бы и поехала со снежной шапкой.

– А вы не пробовали пользоваться такси? – поинтересовался Байкачаров, втискиваясь в машину и максимально отодвигая сиденье. – У нас в Москве большинство людей уже ездят на такси. Очень удобно. Не надо о парковке думать.

– У московских свои причуды, а я свою жизнь сомнительному джигиту ни за что не доверила бы. – Марина вырулила со двора и встала в пробку. Однако до Галереи, где находился ресторан, они добрались быстро, там даже нашлось место в первом уровне подземного паркинга. А в самом ресторане им достался очень удобный столик в уголке с видом на огни Питерского центра.

– Что будете пить? – спросил официант, подавая меню.

– Воду с лимоном, я за рулем, – сообщила Марина.

– Тоже воду с лимоном, я алкоголик, – сообщил Байкачаров. – Ну, теоретически, как все степняки, я просто обязан им быть, – пояснил он Марине.

Видимо на её лице чего-то такое отразилось, из-за чего он решил дать эти пояснения. Хотя ничего удивительного в его словах Марина не услышала. Большинство крупных начальников и бизнесменов, с которыми ей доводилось общаться, как по работе, так и в жизни, страдали от этой болезни. Просто Байкачаров, прямо скажем, на алкоголика ни капельки не походил. Такие мужчины по тренажёрным залам обычно тренируются, а не по шалманам разным шастают. Хотя, одно другому не мешает. Вышел из запоя, и айда в тренажёрку.

– Я слышала, что чукчи все поголовно алкоголики. У них такая химия организма, – сказала Марина. – Вы не чукча, случайно?

– Где это вы всё такое интересное слушаете?

– Ну, как же! Вы разве не знаете? Обычно начинается так: английские учёные выяснили…

– А про индейцев английские учёные ничего не выяснили?

– Выяснили! Точно. Ещё индейцы. Огненная вода и всё такое. Но вы же не индеец.

– Почему вы так думаете?

– Мне бабушка рассказывала, что до революции все дворники в Питере были татары, – ни к селу, ни к городу заявила Марина.

– Ага! И ещё князья тоже были из татар, Юсуповы, например, что совершенно им не мешает быть степняками, то бишь, своего рода индейцами.

– А тюрки тогда кто?

– Кто ж их теперь разберет. – Байкачаров рассмеялся, и Марина сразу поверила, что он индеец. Правда, не настоящий, а какой-то киношный. Красивый такой индеец с высокими скулами, немного приплюснутым носом и миндалевидными тёмными, почти чёрными глазами, одетый в дорогой костюм. Разве что волос до плеч не хватает. Да, пожалуй, индеец, ну, и ещё чёрт, разумеется. Уж больно хитро на неё смотрит, вон, аж мурашки по спине. Мурашки по спине у Марины при общении с мужчинами никогда не бегают. Не то, чтобы замужней женщине такое не положено, просто Марина даже не припоминала, чтобы с ней случалось подобное вообще! Ну, кроме первого знакомства вот с этим самым индейцем. Даже когда за ней ухаживал её любимый Серёжа, никаких таких мурашек не было, никакого намёка на них.

После выяснения национального вопроса беседа потекла гладко и вроде бы ни о чём. Кормили вкусно, и Марина даже слегка объелась. Ну, так и неудивительно. После второго дня питания рогаликами. Конечно, хотелось бы еще чего-нибудь выпить. Она уже предвкушала, как отвезет Байкачарова в «Европу», приедет домой и нальёт себе бокальчик. Желательно бы шампанского, которое Марина предпочитала всем остальным спиртным напиткам, однако в отсутствие дома Серёжи шампанское ей не открыть, так что придется довольствоваться бокальчиком вина. Красненького или беленького. А лучше и того и другого. Она ж пока не алкоголик и никакой не степняк или индеец, ей можно.

В конце ужина Марина, как принимающая сторона, попросила счет, расплатилась, и они пошли к выходу. Шли себе и шли, мирно беседуя о погоде в обеих столицах, пока не уперлись во впередиидущую пару. Женщина весело хохотала и потряхивала головой, как лошадь, отчего её длиннющие волосы метались по спине. Марина всегда мечтала о таких длинных прямых волосах, поэтому и приклеилась к ним взглядом, потом посмотрела чуть ниже и, прямо скажем, остолбенела. То есть, встала, как вкопанная. Ну, наверное, как та самая, которую пыльным мешком приложили. Рука мужчины лежала, как бы это сказать, на бедре женщины, но не совсем на нём. Он попросту держал её за

задницу. Вот так вот за половинку попы. Причём его пальцы вместе с платьем дамочки уже практически были там, куда приличные люди в общественных местах свои руки не суют. Но не это так поразило Марину. Мало того, что рука мужчины ей показалась весьма и весьма знакомой, практически родной, Марина увидела кольцо на его безымянном пальце. Это обручальное кольцо она подарила своему любимому Серёже на серебряную свадьбу. Они праздновали дату двадцати пяти лет совместной жизни с большой помпой в ресторане и в присутствие кучи гостей обменялись новыми дорогими кольцами взамен простеньких старых, купленных ещё в перестроечное время. И вот это кольцо вместе с безымянным пальцем любимого Сережи находилось, иначе не скажешь, в жопе какой-то девицы!

– Что? – спросил Байкачаров, слегка налетевший на Марину сзади, когда она так резко тормознула и остановилась.

– Чек забыла для отчетности. Вы идите, я быстро, – нашлась Марина, развернулась и на ватных ногах пошла назад к столику. Там она плюхнулась на стул и уставилась в пространство.

– Вам плохо? – поинтересовался официант, убирающий со стола.

– Мне плохо, – сообщила Марина. – Не беспокойтесь, сейчас полегчает.

Она зажмурилась и попыталась собрать волю в кулак. Кто его знает, как это делается, но в умных книжках всегда так написано. Надо собрать волю в кулак! Где там эта дурацкая воля, когда хочется кричать, рыдать и биться головой о стенку. Хотя, головой-то зачем? Голову жалко. Плакать тоже нельзя. Во-первых, еще надо Байкачарова в отель отвезти, а во-вторых, тушь потечет. Знаем мы их стойкую тушь. А в-третьих…Хотя, какая разница, чего там в третьих. Надо встать и двигать к выходу. Вот что! Наверняка, этот мерзавец уже покинул ресторан вместе со своей бабой и её задницей в руках…

Марина так и сделала. Двинула к выходу. Там её дисциплинированно ждал уже одетый в пальто Байкачаров с её шубой наперевес. Он развернул шубу и очень ловко упаковал туда Марину. В паркинге она никак не могла найти свою машину. Хорошо, что с ней был Байкачаров. Он остановил её беспорядочные метания, повернул и поставил прямо перед её собственным автомобилем. До «Европы» по Невскому Марина ехала на автопилоте в каком-то тумане пока не уткнулась

бампером в поребрик напротив отеля. Удивительным образом там оказалось свободное место как будто предназначенное именно для её небольшой машинки.

– Ну, рассказывайте! – произнес странно молчавший всю дорогу Байкачаров.

– Чего? – не поняла Марина.

– Всё с самого начала. Что случилось? Я же видел. Вы машину вели, как тот самый московский джигит, я уж и не чаял добраться живым. Привидение встретили?

– Нет. Мужа. Та пара, что перед нами из ресторана выходили…

– А! Где попа съела руку?

Марина грустно усмехнулась.

– В моей юности, когда трусы на физкультуре у кого-нибудь в попу забивались, говорили, что попа съела трусы. А тут вот руку, – пояснил Байкачаров.

– Руку моего мужа. – Марина сама не поняла, зачем она Байкачарову это рассказывает, но ей же необходимо срочно с кем-то поделиться. Вот хоть с ним. Он уедет и забудет, а ей, может быть, станет легче.

– Может, обознались? – вежливо предположил он.

– Нет. – Марина помотала головой. – Что ж я руку мужа не узнаю? А ещё кольцо. Вот. – Марина сунула Байкачарову под нос свою правую руку с обручальным кольцом. – Точно такое же. На заказ. Да и всё остальное тоже его. Часы, к примеру. Это его любимые, самые дорогие, он с ними носится, как с писаной торбой.

– М-да! Кольцо. Как пишут в открытках с ангелочками, люби меня, как я тебя, – Байкачаров хмыкнул. – И вы из-за этого так расстроились?

– Я расстроилась – это мягко сказано. У меня вся жизнь псу под хвост полетела.

– Ну, не псу под хвост, а тётеньке в жо…, извиняюсь, в попу. Кстати, с переду тётенька смотрится гораздо хуже, чем с жо… извиняюсь, с заду. Я специально посмотрел. С вами даже и сравнивать нельзя, – Байкачаров успокаивающе погладил Марину по коленке.

У Марины от этого не то, что мурашки по всему телу побежали, у неё чего-то там ухнуло внутри и упало вниз живота.

– Вы что? – Марина испуганно отодвинула коленки в сторону водительской двери.

– Я ничего. Я, как все нормальные мужики, не засовываю руки, куда попало, а тяну их к красоте, которую вижу. Коленки у вас просто замечательные. Я всю дорогу смотрел, как вы ими туда-сюда, туда-сюда. Очень хотелось подержаться. Можно ещё раз?

– Вы с ума сошли!

– Вот, видите, вы уже злитесь на меня и не думаете о вашей несчастной жизни, спущенной в унитаз каким-то рукожопом!

– Не смейте моего мужа так называть. Вы его не знаете.

– И знать не хочу. Вы ещё пожалейте его. Сю-сю и всё такое.

– А вот это фигушки. Жалеть точно не буду.

– Пойдемте, выпьем?! Тут в лобби наливают. Ехать вам в таком состоянии противопоказано. С машиной вашей в центре города у такой жирной гостиницы под камерами видеонаблюдения уж точно ничего не случится. Поедете домой на такси. Вы в любом случае сейчас хуже таксиста машину водите. Завтра с утра заберете своё ландо и на работу. Или вы предпочитаете наквариться дома в одиночку, захлебнувшись слезами и соплями? Соглашайтесь. Я – прекрасный собутыльник.

– Вы забыли, что вы алкоголик. Или наврали.

– Нет. Не наврал. Я потенциальный алкоголик. У меня в семье все по мужской линии от этого страдали. И папа, и дед, и прадед. Поэтому пью редко и исключительно в хорошей компании.

– Ну, хорошо, убедили. Только за колени меня не хватать!

– Постараюсь. Даже руки в карманы засуну. Чего я коленей, что ли, не видел? Таких, конечно, нет, такие иди, поищи, что да, то да, колени знатные, я вам скажу, редкой красоты колени…, – бормоча такое вот несусветное Байкачаров вылез из машины и направился ко входу в отель.

Марина вышла, включила автомобильную сигнализацию и пошла следом. Рыдать и биться обо что-нибудь головой почему-то практически расхотелось. Действительно, не напиваться же дома в одиночку перед телевизором?! Куда лучше это делать в лобби дорогого отеля с приятным собеседником. Он, правда, чёрт, но Марине теперь никакой чёрт уже не страшен. После такого-то?!

В лобби они разделись и сели к стойке бара. На высоком табурете коленки Марины и вовсе повели себя совершенно наглым образом. Как она ни вертелась и ни усаживалась, они категорически не хотели прятаться под юбку. В конце концов Марина на них плюнула, и правда, не будет же Байкачаров хватать её за коленки на виду у всех? Тем более обещал не трогать. Только пусть попробует! Марина сразу оденется и уйдет. Чай кругом не тундра и Гугл гуглит, и Яндекс на связи.

Байкачаров заказал текилу.

– Я слышал, вернее всем известные английские учёные выяснили, что мексиканские индейцы от кактусовой водки не пьянеют, – сообщил он. – Вы умеете это вот «лизни, выпей, кусни»?

– Да. В кино видела.

– Увлекательнейшее занятие, я вам скажу!

– Может быть, мне чего-нибудь не такого крепкого заказать? Вина, например. Или шампанского?

– Шампанского? – Соболиные брови Байкачарова взлетели вверх. – Я не понял, вы хотите напиться или нет? Кто ж это шампанским напивается? Нет, напиться шампанским, конечно, можно, но это исключительно по поводу какого-то праздника. У вас же горе, как я понял, а с горя надо напиваться, как следует. Надеюсь, вы такое в кино видели. В кино зря не покажут. Там научат, как вести себя в той или иной ситуации. И обязательно текилу. Так что, вперед!

Марина послушно насыпала соли на руку, лизнула, опрокинула в себя текилу и закусила лимоном. Внутри потеплело. Следующая рюмка пошла, как по маслу. Потекла неспешная беседа про санкции, патриотов, оппозицию, налоги, финансы, автомобили и домашних животных. Личную жизнь упоминать благоразумно не стали. Рюмка следовала за рюмкой. Марине стало хорошо и весело.

– Но самое правильное в данной ситуации это всё-таки вам со мной сейчас переспать, – вдруг ни с того ни с сего заявил Байкачаров.

– Глупости какие! – Марина рассмеялась и махнула рукой. – С чего это вы так решили?

– А я такое тоже в кино видел. Сначала напиться, потом переспать. Любое горе сразу излечивается.

Марина на тот момент удивительным образом уже и думать забыла о своей разбитой вдребезги семейной жизни, она вспомнила, как Байкачаров назвал Серёжу «рукожопом», и захихикала.

– Я хихикаю не о том, что вы подумали, – пояснила она и подумала, а почему бы, и правда, не переспать с этим красивым индейцем. Терять ей теперь уж точно нечего.

– А я ничего такого и не подумал, – сказал Байкачаров и тоже захихикал.

Они выпили ещё и ещё, в конце концов, Марина отметила, что уже слизывает соль с его руки, в то время как другой рукой он всё-таки держит её за коленку, и стала собираться домой. Она попыталась вызвать такси, безуспешно елозя пальцами по экрану смартфона, а Байкачаров послушно надел пальто и упаковал её в шубу, но не повёл к выходу, а почему-то загрузил в лифт. Она не

прекращала своих попыток связаться с такси, даже когда уже в номере он эту шубу с неё снял, а также снял и всё остальное. Такси категорически не желало вызываться, несмотря на то, что Гугл гуглил, а Яндекс был на связи.

Марина слегка пришла в себя уже только тогда, когда Байкачаров вдруг нашел эту её пресловутую секретную кнопку, и на неё обрушился такой мощный оргазм, которого она, пожалуй, никогда в жизни и не испытывала. После этого она сразу вырубилась и захрапела. Да, именно захрапела! После сорока лет Марина вдруг стала храпеть, если спала на спине. Серёжа в таком случае всегда давал ей лёгкого пинка, она поворачивалась на бок и спала уже тихо, как мышка. Байкачаров не знал, что ей надо дать пинка, поэтому просто повернул её набок, после чего заснул и захрапел сам. Под утро к большому удивлению Марины всё повторилось. И кнопка, и всё-всё-всё. Она подумала, что так не бывает. Ну, чтоб каждый раз. Даже захотелось попробовать ещё, но она опять вырубилась. Попробовать удалось, когда заблямкал будильник в её смартфоне. Байкачаров зашвырнул смартфон куда-то в сторону гостиной и притянул Марину к себе. Она подумала, что вот у него, похоже, нет никакого простатита, а он опять устроил ей салют и небо в алмазах. Точно, чёрт! Чёрт, чёрт, чёрт!

– А ты уверена, что тебе так уж надо на работу? – поинтересовался он, когда вернулся из душа.

– А как же? – удивилась Марина.

– Ну, ты ж начальница. У хорошего начальника и без него всё крутится-вертится. Или ты плохая начальница?

– Я хорошая, но Ганнушкин…

– Чего Ганнушкин? Отправил тебя важного заказчика выгуливать, должен понимать.

– Понимать, что? – Марина прищурилась. На что это он намекает? Может, думает, Ганнушкин её ему специально подложил?! Так сказать, для укрепления доверия и связей между фирмами. АААА!

– Похмелье, вот что. – Он постучал себя по голове. – А ты что подумала?

Марина пожала плечами. Не рассказывать же ему, какую гадость она подумала. И про него, и про Ганнушкина, да и про себя.

– Можно, конечно, попробовать.

– Нужно. – Он протянул ей давеча выкинутый смартфон.

Марина послушно взяла трубку, позвонила своей помощнице Кристине и сообщила, что заболела и будет болеть до понедельника. Потом она набрала Ганнушкина и пожаловалась на жуткую головную боль.

– Пить меньше надо, – Ганнушкин понимающе похихикал, велел себя беречь и не беспокоиться аж до понедельника.

Марина нажала отбой и тяжело вздохнула. Вот мужики! Если б она реально заболела, он бы сделал недовольную козью рожу, а так, иди, милая, похмеляйся, начальник тебя понимает.

Байкачаров, в свою очередь, позвонил своей секретарше и велел ей поменять ему билеты на вечерний поезд.

– Ну, вот! У нас теперь есть уйма времени, – сказал он, нажав отбой. – А не пора ли нам позавтракать?

– Пора! – согласилась Марина и умчалась в ванную.

Когда она вернулась, в маленькой гостиной номера уже находился столик на колесиках с какими-то кастрюльками, а стол был сервирован к завтраку. За столом сидел Байкачаров и чего-то читал в своем смартфоне.

– Оперативно, – заметила Марина.

– Я бы не сказал, просто ты, наверное, ванную впервые увидела. Понравилось тебе там?

– О! Ещё бы! Мрамор повсюду! И горячая вода есть, и холодная! И фен!

– Я тебе говорил, что ты мне нравишься?

– Нет! Я думала, ты в меня влюбился до потери пульса.

– Это исключено.

– Ты женат?

– Упаси Господи!

– Но ты ж не этот? Почему, упаси Господи?

– Конечно, я не этот, ты сама знаешь, а упаси Господи, потому что был женат. Как говориться, плавали, знаем. Больше не повторится.

Во время этой беседы Марина уселась за стол, изучила содержимое кастрюлек, положила себе омлет, какой-то салат и приступила к поглощению пищи. Ела она с аппетитом, с удивлением отмечая у себя отсутствие каких-либо признаков похмелья.

– И что? Жена тебе изменила?

– Я похож на того, кому можно изменить?

– Вроде нет. А я похожа?

– Тоже нет.

– Вот видишь!

– Моя бывшая жена – самая злая женщина на свете, хоть и очень красивая, почти, как ты. Я из-за красоты её и терпел некоторое время, а потом не смог больше выдержать.

– Я слышала, татары вообще все злые, – сообщила Марина с набитым ртом.

– Это точно! Я, например, очень злой. Только жена моя бывшая совсем не татарка, а молдаванка.

– Ха! Хрен редьки не слаще. И чего ты хотел? Ты злой, жена злая – два сапога пара! Надо было вторую жену взять. У мусульман это не возбраняется.

– Я атеист.

– Беда какая. – Марина опять полезла в кастрюльку за добавкой.

– Я смотрю, у тебя хороший аппетит, – заметил он.

– У человека с чистой совестью всегда хороший аппетит.

– Что с Рукожопом своим думаешь делать?

– А чего с ним делать? – Марина пожала плечами. – Разводиться, конечно. «Пошлю его на небо за звездочкой…», – пропела она.

– А вот слуха у тебя нет.

– Зато мне никто никогда не скажет: «Вы ещё и поёте»!

– Ты очень изменилась за эту ночь.

– Лучше или хуже стала?

– Конечно, лучше.

– Значит, это ты на меня положительно влияешь. Благотворно.

– Ты не возражаешь, если я ещё немного на тебя повлияю.

– Велкам! Мне понравилось.

– Вот только сбегаю в аптеку. У меня презервативы кончились.

– Да ты виртуоз прямо! – восхитилась Марина. – Еще успевал презервативы надевать. Я и не заметила. А чего так мало взял?

– Я ж алкоголик, а не бабник. Ты забыла? – Байкачаров исчез в ванной.

Вернулся в джинсах и свитере. Это шло ему не меньше, чем костюм.

– Не уходи никуда, – сказал он, надевая пальто.

– И не собираюсь. – Марина налила себе кофе и водрузила ноги на стол. Оказывается не совсем она, как дура с намытой шеей. Вон, какой педикюр отличный. Ещё как пригодился. И эпиляция. Марина вспомнила вечер, ночь и утро с Байкачаровым, и по телу опять побежали мурашки. Как гласит народная мудрость, не было бы счастья, да несчастье помогло. Народ-скрепоносец в несчастьях разбирается лучше других народов.

Вернулся Байкачаров быстро с фирменным пакетом из дорогущего бутика, находящегося в здании отеля. Цены там были просто немыслимые, скидок не предусматривалось. Будучи финансистом, Марина понимала, что ценник в этих магазинах необоснованно задран ещё и в силу баснословной стоимости аренды помещений в самой «Европе», поэтому даже она с её семейным достатком никогда здешние бутики не посещала. Не любила переплачивать.

– Тут всё продумано для блага кобелирующих постояльцев, и презервативы продают, и цветы. Думал, цветов купить, но решил, что это пошло. Вот, возьми. Это тебе.

Он протянул ей пакет. Там оказался удивительной легкости и мягкости свитер. Марина скинула халат и натянула свитер на себя. Байкачаров угадал с размером. Грудь Марины в этом свитере выглядела невероятно сексуально и слегка воинственно.

– Эту вещь надо носить этикеткой наружу, – сказала Марина. – Чтобы все завидовали. Приезжай, пожалуйста, почаще.

– Разумеется, буду! Даже чаще, чем ты можешь предположить, но вот это слишком дорого, – сообщил он, притягивая Марину к себе и стаскивая с неё свитер. – Ты уж постарайся в следующий раз не обливаться текилой.

– Я облилась текилой?

– Ещё как! Я честно вчера пытался оттереть, но ты вертелась. Уж больно вёрткая.

Он показал, где и как он пытался оттереть, и Марина поняла, что небо в алмазах не за горами, мозги начали плавиться, но всё-таки спросила:

– А ты много презервативов купил, или опять придется за ними бежать?

– Заткнись уже!

Пообедали они в одном из ресторанов отеля. Марина фигурировала в новом свитере. Её блузка оказалась действительно залита текилой и заляпана чем-то ещё. После обеда Марина отвезла Байкачарова на вокзал, а при выходе из отеля он всё-таки купил ей цветы. Конечно, на прощанье он её поцеловал, и целовал бы ещё и ещё, держась за те самые колени, но дежуривший у вокзала сотрудник ГИБДД двинулся к машине Марины, и Байкачарову пришлось уматывать в свою Москву.

Отъехав от вокзала и немного придя в себя, Марина решила позвонить Ляле, ведь надо же непременно поделиться! А с кем поделиться, как не с лучшей подругой? Это ж с ума сойти, сколько всего случилось. Марина нажала кнопку на передней панели и на автомобильном мониторе высветились входящие и исходящие звонки. Какие-либо звонки от мужа отсутствовали полностью. Ну, конечно! Он же в Женеве совещается! Интересно, это на него опера про бабника и покойника такое впечатление произвела, что он стал прямо в консерваторку руку свою запихивать? Или он после оперы ещё кукольный театр посещал? В кукольном театре обычно руку внутрь куклы засовывают. Или это не консерваторка с ним была, а другая дамочка? Ах, да! Он же в кольце был, значит, не с невестой, а с той самой чужой женой, с которой положено путаться настоящему бабнику. Сколько же у него разных невест, чужих жён и просто девиц с пониженной социальной ответственностью? И пользуется ли он

презервативами? Ф-у-у-у!

С мыслью, что надо бы посетить гинеколога и сдать анализы, Марина позвонила Ляле. В ответ на звонок подруги Ляля сообщила, что двигает в сторону дачи.

– Приезжайте завтра с Серёжкой, – предложила она. – Шашлык сварганим.

– Обязательно, – пообещала Марина.

Она поехала домой, поставила роскошный букет от флористов гранд отеля «Европа» в вазу гостиной, кинула измазанную блузку в стиральную машину, правда, предварительно прижала её к себе и представила, где и как Байкачаров пытался оттереть на ней пятна, после чего, совершенно довольная завалилась спать. Спала сладко, без сновидений.

Проснулась поздним утром от громкого храпа и обнаружила в кровати супруга. Любимого Серёжу, или Рукожопа, как она теперь мысленно называла мужа. Марина подперла голову рукой и стала рассматривать его медальный профиль. Чего там говорить, Рукожоп являлся видным мужчиной. Правда, абсолютно лысым, но кого это может испортить при правильной форме черепа? Череп у Рукожопа был, что надо. Никак не огурцом и не яйцом. Нос опять же прямой. Красивый такой нос, с маленькой горбинкой. Ну, и подбородок, конечно. Выдающийся. Марина попыталась сравнить увиденное с Байкачаровым и поняла, что сравнивать этих людей нельзя. Это как сравнивать холодное с зелёным. Муж был похож на римского легионера из кино, а Байкачаров, хоть и смахивал на киношного индейца, но в целом напоминал ртуть. Марина старалась восстановить в памяти его лицо, но у нее никак не получалось. Она так увлеклась этим занятием, что размечталась, да так, что по телу её опять побежали мурашки. Надо же! Марина всегда была уверена, что любит мужа. Теперь же при взгляде на него, в голове у неё сразу всплывало меткое название «рукожоп», и становилось совсем не обидно, а просто весело.

Видимо, почувствовав её взгляд, муж перестал храпеть, повернулся и посмотрел одним глазом на Марину.

– Ты чего?

– Любуюсь, – соврала она.

– Лучше завтрак приготовь! – Он перевернулся на другой бок.

– Конечно! – Марина выскользнула из кровати.

Она сварила себе кофе, сделала тосты, нашла в холодильнике сыр и с удовольствием позавтракала. О том, чтобы приготовить мужу его любимую овсяную кашу, она даже не задумалась.

Когда Марина уже полностью одетая для поездки на дачу к Ляле, натягивала тёплые ботинки, из спальни в прихожую выкатился муж.

– Мартыш, ты куда это? – поинтересовался он.

– На переговоры по трубопроводам, выездная сессия, – сообщила Марина и вышла из квартиры.

Можно было бы, конечно, эффектно хлопнуть дверью, но она не стала этого делать. Воспитанные девушки из интеллигентной семьи так себя не ведут.

Декабрь выдался снежным и в городе был представлен окаменелыми серо-чёрными сугробами вдоль дорог, зато за городом у Ляли на даче было очень красиво. Елки стояли кружевные от снега. Как на картинке. Когда Марина подъехала, Ляля с мужем собрались кататься на снегоходе. Они позвали Марину с собой, но она категорически отказалась. Тогда её усадили на открытой террасе рядом со специальным газовым фонарем и вручили бокал и бутылку белого. От фонаря шло тепло, и он успокоительно слегка потрескивал.

– А Серёга где? – поинтересовался Петюня, Лялин супруг.

Нельзя сказать, что мужья подруг так уж сильно дружили между собой, но совместно выпитого за годы их дружбы семьями было не сосчитать.

– Совещание, как обычно, – сообщила Марина.

– Не скучай, – велела Ляля.

– Мне столько тебе надо рассказать! – Марина вспомнила, что с ней вытворял Байкачаров, и счастливо хихикнула.

– Ой! – Видимо что-то в лице Марины было такое, что Ляле явно показалось более интересным, чем катание с мужем на снегоходе. – Мы быстро, только туда и сразу же обратно.

Марина устроилась поудобнее и принялась мечтать о Байкачарове, созерцая пушистые сказочные ёлки. Согласитесь, всё-таки лучше мечтать о мужчине, созерцая ёлки, чем лицо бессовестного Рукожопа. Размечтавшись, она не заметила, как в открытые ворота бесшумно въехал автомобиль. Хороший очень-очень дорогой автомобиль.

– Что это вы такое пьёте на морозе?

Марина вздрогнула. Перед террасой стоял очень даже интересный мужчина и улыбался настолько замечательной улыбкой, что пришлось улыбнуться ему в ответ.

– Вино пью, белое. – Марина продемонстрировала свой бокал.

– Это неправильно! На морозе надо пить шампанское. – Он опустил на край террасы винную коробку, достал оттуда бутылку шампанского и сунул её в снег. – Видите? Очень удобно. Никаких вёдер со льдом не надо.

– А я думала, что на морозе лучше пить водку для согревания, а шампанское, наоборот, пьют, когда жарко.

– Это вы начитались высокохудожественной литературы. Я – Виктор.

– А я – Марина.

– Честное слово, очень и очень приятно познакомиться. Думаю, уже готово! – Он вынул шампанское из снега и ловко его открыл. – Так, где же тут подходящая посуда? – Он по-свойски прошёлся по террасе. – Ага! Вот ты, где прячешься!

И действительно на террасе стоял столик с разномастными фужерами на подносе. Марина тут же получила фужер с шампанским. Так и сидела под излучающим тепло фонарём с двумя бокалами. Шевелиться не хотелось.

– Вот! За знакомство! – Мужчина по имени Виктор тихонько стукнул своим фужером с фужером Марины и залпом опрокинул в себя содержимое. Тут же налил себе ещё.

Марина осторожно попробовала шампанское. Оно оказалось великолепным.

– Что это? – поинтересовалась она.

– Кристалл.

– Тот самый?

– Именно!

– И там целая коробка?

– Конечно! Не беспокойтесь, нам с вами хватит.

– Вы случайно не алкоголик?

– Ни в коем случае! С чего вы взяли? Алкоголики разве пьют шампанское? Я поэт.

– Стихи пишете?

– Нет. Поэму.

– Про балалайку?

– Почему про балалайку?

– Ну, как же! «Я поэт, зовусь Незнайка, от меня вам балалайка»!

– Вы всё напутали! Я зовусь Виктор и от меня вам шампанское Кристалл. Пейте, а то сейчас набегут, и ничего не останется. Коробка-то маленькая, шесть бутылок всего.

Марина послушно выпила свою рюмку, он налил ей ещё.

– Вы хотите, чтобы я напилась, упала в снег и замерзла бы в нём навсегда?

– Ну что вы! Я не позволю вам сделать это в одиночестве, упаду вместе с вами, замерзнем вместе. Представляете, и шампанское внутри наших организмов, как в бутылках, станет нужной температуры.

«Что же это такое делается»? – подумала Марина. Она читала, или это тоже английские учёные сообщили, что мужчины каким-то образом чувствуют, что у женщины был секс, хороший секс, и начинают скопом ухаживать за ней. Вот ведь обезьяны.

Тут же словно в подтверждение её мыслям в воротах показался сверкающий намытыми боками служебный автомобиль её супруга. Тоже хороший и очень-очень дорогой. Надо же! Сам Рукожоп пожаловал! Тоже видать утром чего-то такое почуял.

Виктор опять подлил Марине шампанского, они чокнулись фужерами и стали наблюдать, как Рукожоп выгружается из машины. Разумеется, сначала из машины выскочил водитель и открыл перед начальником дверцу. Пока Рукожоп выходил из автомобиля, водитель открыл багажник, достал из него винную коробку и так же, как недавно Виктор, попер её к террасе. Следом шествовало руководство, как его именовала Роза Львовна, но как теперь понимала Марина, правильнее было бы называть его рукожопство. Однако в отличие от Виктора, который передвигался плавно, и вальяжно, как сытый тигр, Рукожоп, казалось, угрожающе гремел всеми своими римскими доспехами, или чем там они гремят эти легионеры. Конечно, Марина знала, что у легионеров доспехи были кожаными и греметь не должны, но ей всегда казалось, что при приближении мужа она слышит какой-то грозный звон. Честно признаться, раньше это ей всегда нравилось. Вселяло чувство уверенности и защищенности. Водитель поставил коробку на край террасы, рядом с коробкой Кристалла, вежливо поздоровался с Мариной и Виктором, потом так же вежливо попрощался, вернулся в машину и уехал. Рукожоп сурово поглядел на присутствующих.

– Здрасьте! – сказал Виктор и улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой, как чуть раньше улыбался Марине.

– Кто это? – строго спросил Рукожоп у Марины.

– Это Виктор, – сообщила Марина.

– Что он тут делает?

– Откуда я знаю? – Марина равнодушно пожала плечами. – Вот, шампанское пьем.

Надо сказать, что эта сцена явно доставила поэту Виктору удовольствие. Он как-то весь подобрался и совершенно по-кошачьи скользнул в сторону Рукожопа, однако не забыл при этом подлить Марине шампанского.

– Мариночка, а это кто ж такой пожаловал? – поинтересовался он у Марины. – Невежливый тип. Не здоровается.

– Это? – Марина мотнула головой в сторону Рукожопа. – Если мне не изменяет память, вроде бы мой муж.

– Вроде бы? – удивился поэт Виктор.

– Ну, я его очень редко вижу. У него постоянно то совещание, то переговоры, то опять совещание, и опять, и опять, всё время совещание. Он невероятно занят. Позавчера вот, например, очень важные переговоры были в самой Женеве. По трубопроводам, вы ж понимаете, очень важная штука. Я, как этих переговорщиков увидела, так до сих пор в себя придти не могу.

– Чего ты увидела?! – Рукожоп нахмурился и взглянул на Марину серыми стальными глазами, римские доспехи опять чуть слышно звякнули.

Однако выяснить, что она увидела, ему не удалось, так как во двор въехал снегоход с хозяевами.

– О! Какие люди! Витенька, как хорошо, что ты приехал. – Ляля подскочила к поэту Виктору, обняла его и расцеловала. – Серёж! Наконец, ты с работы вырвался. – Ляля обернулась к Рукожопу и тоже чмокнула его в щёку. – Ты, как позвонил, мы с Петюней сразу домой рванули. – При этих словах Ляля глянула на Марину и сделала большие глаза, мол, чего это у вас такое творится? – Познакомьтесь, Витя – мой двоюродный брат, он капитан! Вить, знакомься. Сережа – Маринин муж, он Газпром, вернее не совсем, он около, а Марина – моя лучшая подруга.

Рукожоп и поэт, который оказался капитаном, явно неохотно пожали друг другу руки. Потом капитан обнялся с Петюней.

– Как же здорово, что все мы здесь сегодня собрались, – продолжила щебетать Ляля. – Мы и не надеялись, что Витя так быстро доберется. Уж больно снега много на дорогах в этом году, гололёд. Он же с самой Риги приехал. Мужики, готовьте угли, сейчас кастрюлю с шашлыком принесу.

Ляля скрылась в доме, а Петюня занялся мангалом.

«Так вот он какой знаменитый Лялин брат! А сказал поэт», – подумала Марина.

Она столько слышала от Ляльки об этом бравом капитане дальнего плавания, но никогда не видела его. Капитан с детства жил с родителями в Риге и теперь капитанил под иностранным флагом за какие-то совершенно баснословные деньги. Насколько Марина помнила из Лялькиных рассказов, капитан был женат и имел двоих детей. Однако при встрече с ним Ляля странным образом не поинтересовалась, а где же капитанша.

– Вы меня обманули, никакой вы не поэт, а наоборот капитан, – сказала Марина, когда Виктор, оторвавшись от Петюни, вернулся, чтобы в очередной раз подлить ей шампанского.

– Можно подумать, капитан не может быть поэтом.

– А где же ваша капитанша?

– Я моряк и слишком долго плавал…

– Изменили ей с буфетчицей?

Мама Марины как-то рассказывала о своей подружке, которой муж, советский капитан торгового флота, изменил с буфетчицей того сухогруза, на котором бороздил заграничные моря. Мама говорила, что тогда среди капитанов это было обычным делом. И такое обычное дело тоже обычно решалось через партком. Жена писала жалобу в партком, и тот принимал решительные меры к капитанам и буфетчицам. Понятно, что у иностранных капитанов, да и у современных российских, никаких парткомов не существует, но буфетчиц-то никто не отменял.

– Нет, жена ушла от меня к сухопутному бизнесмену. – Виктор поморщился, видимо воспоминания были не из приятных. – Уважаемый Окологазпром, а вы не хотите ли хлебнуть шампанского? – поинтересовался он у Рукожопа.

– Значит, ты – Лялькин брат, – констатировал Рукожоп с умным видом.

– Значит, – согласился Капитан.

– Тогда наливай. А то я уж подумал…

«Подумал он! Кто бы говорил»? – мысленно возмутилась Марина.

Капитан налил Рукожопу шампанского и открыл новую бутылку.

– И мне, и мне! – В дверях показалась Ляля с кастрюлей.

Потом делали шашлык, потом его ели, и конечно пили. Сначала шампанское, а потом вино, которое привёз Рукожоп. Естественно, что в этой толпе и бардаке Ляле с Мариной так и не удалось толком поговорить.

Спать Марину с мужем отправили в гостевой домик.

– Значит, капитан этот ни при делах, – многозначительно заметил Рукожоп, забираясь к Марине под одеяло. – Тогда кто?

– Что кто? – спросила Марина, садясь.

Хорошо, что она взяла с собой пижаму. Эта пижама с собачками и мячиками защищала её от возможных посягательств не хуже любых доспехов. Ну, какому мужику в здравом уме придет в голову лезть за сексом к женщине одетой в тёплую пижаму с мячиками и собачками? Ведь чего-чего, а секса с Рукожопом ей совершенно не хотелось. Ещё чего!

– Ну, я смотрю, цветы там дома, ты сама не своя, пижама вот. – Рукожоп ткнул пальцем в мячик на пижаме. – Непорядок. Чую. Думал, застукаю тут. Но не капитан точно.

– Правильно чуешь. Разводиться хочу, – заявила Марина.

– Во! – Рукожоп поднёс к её носу внушительный кукиш. – С чего бы это?

– Как с чего? С твоих совещаний и переговоров. Они категорически несовместимы с семейной жизнью.

– Ты сейчас сама поняла, что сказала? При чём тут совещания? Мне, что, деньги зарабатывать теперь не надо?

– Так это ты всю неделю так деньги зарабатывал?!

– Ты, чо? Про оперу опять? Мартыш, далась тебе это опера. Развел кто-то тебя, а ты и повелась. Ишь ты, разводиться! – Он запустил руку ей под пижаму, наплевав на мячики и собачек.

– Хватит! – Марина вскочила с кровати. – Я тебя видела в четверг.

– Чего ты несешь, где видела? – Глаза Рукожопа светились младенческой невинностью.

– В «Большой кухне» видела, как ты с бабой совещался, куда руки свои ей засовывал. Рукожоп!

– Ты что серьёзно вот это всё сейчас?

– Серьезней не бывает.

– Подумаешь, с бабой я был! – Рукожоп пожал плечами, лицо его изображало оскорбленную невинность. – Я тебе ещё по телефону признался, что бабник. У всех сейчас бабы да не одна, и чего? Разводиться-то зачем?

– Как это зачем? – У Марины отвисла челюсть. Вот опять реально отвисла.

– Ну, зачем? У нас семья хорошая, сын взрослый, денег приношу, дай Бог каждому, скоро внуки начнутся, будешь с ними развлекаться. Хочешь, дом, наконец, достроим, займусь прям с завтрашнего дня, всё руки не доходят. Будет лучше, чем у Ляльки с Петюней, вот увидишь! Гораздо лучше. Ты ж знаешь, у меня всегда только всё самое лучшее. Хочешь, собаку заведем? Или ещё ребеночка? Нафига нам разводиться?

– Не хочу тебе мешать.

– Ты мне не мешаешь.

Марина вытаращила глаза и уставилась на мужа.

– А чего ты сюда тогда припёрся? Я тебе не мешаю, так, может, и ты мне мешать не будешь? У тебя бабы, у меня мужики – прекрасная дружная семья! Что ещё надо, чтобы спокойно встретить старость?!

– Ага! Правильно я почуял, значит, всё-таки с этим капитаном хотела замутить, а я помешал. Не вышел номер! – Рукожоп довольно захихикал.

– Правильно ли я тебя поняла? – поинтересовалась Марина. – Тебе с бабами можно, а мне с капитанами нельзя? Мне только с детьми и внуками положено заниматься или с собакой.

– Именно!

– А вот это вот видел? – Марина в свою очередь показала Рукожопу кукиш. – Готовься к разводу. И лучше по-хорошему. Купишь себе квартиру в стиле хайтек, как положено настоящему прощелыге, и будешь туда баб водить в своё

удовольствие. И туда, и в оперу, и на стадион, и в хвост и в гриву! А я как-нибудь сама определюсь, с кем и чем мне заниматься.

– Вот ты дура, Мартыш, как все бабы! Ну, кому ты нужна ещё, кроме меня? Нет, на час потрахаться, нужна точно, я ж не спорю, а вот для жизни… На что ты жить будешь? На свою зарплату? Не смеши мой Искандер! Ты привыкла к хорошему, к самому лучшему. К бутикам, к заграницам, к дорогим машинам. У тебя, сколько шуб, не помнишь? А морда твоя, сколько денег стоит? Ты же от косметологов не вылезаешь! Ботоксы-шмотоксы и всё такое! А фигура? Или думаешь, тебя капитаны разные не только Кристаллом поить будут, а ещё и косметологу платить, хирургам пластическим, массажистам и тренерам? Не-а! Шиш! Отцвели уж давно твои хризантемы. Год-другой, и всё. Капитанам молодые девки нужны. Это я ещё по старой памяти тебя терплю. За вложения.

– Бедный, ты бедный!

– Я богатый и умный, а ты дура. Вот и кончай дурить, ложись спать. – Он похлопал ладонью рядом с собой. – Утро вечера мудренее.

– Да пошёл ты! – Марина взяла подушку и ушла в гостиную на диван.

Она улеглась, завернулась в плед, но заснуть никак не удавалось. Даже мечты о Байкачарове не помогали. Марина попыталась вспомнить, сколько у неё денег на зарплатной банковской карточке, но ничего не получилось. Этой карточкой она практически никогда не пользовалась. За все покупки она расплачивалась банковской карточкой, привязанной к счёту мужа. Ничего себе финансовый директор! Нет, конечно, финансы предприятия Марина блюла, холила и лелеяла. Уж, про минимизацию и оптимизацию налогообложения она знала, как никто. Ну, и всё остальное, типа контроля, мониторинга, распределения, бюджетирования, приумножения, кредитной политики, да и обналички, чего греха таить. Как без неё? Без обналички в бизнесе никак. В России живем. Ну, если это действительно доходный бизнес, а не салон красоты. Разбуди Марину ночью, она до копеечки доложит, что у предприятия Ганнушкина на каких счетах, зачем и сколько. А вот о своих собственных финансах она, выходит, не имеет никакого представления. Этакий сапожник без сапог! На днях, вон, ругала финансистов Байкачарова, что те не экономят на переездах и проживании начальства в командировках, а сама в отпуск иначе как бизнес классом давненько не летала. И не за счёт какой-то там компании, а за свой собственный счёт, вернее, за счёт Рукожопа. И что теперь делать? Вдруг этот козлина прав? Кому она нужна в

своём пограничном ягодном возрасте? Зачем Байкачарову или, к примеру, холостому капитану Виктору такой головняк? Правда, какой именно головняк она представляет из себя для мужчин, Марина пока понимала смутно.

Кроме этого Марину ещё удивляло и то, как быстро её любимый Серёжа превратился для неё в Рукожопа, мерзавца и козлину. Ведь двадцать пять лет, как ей казалось, они жили дружно, можно сказать, душа в душу. В отличие от Ляли с Петюней они особо никогда и не ругались. Марина в принципе жила, как хотела. Получается, не любовь это была, а удобство и равнодушие. Разумеется, муж от этого удобства отказываться не собирается. С чего бы? Естественно при условии, что она, как и раньше, будет ему беззаветно верна. Будет ждать его вечерами с ужином, по утрам варить ему кашу, следить за его здоровьем, волноваться, не забыл ли он повязать шарф, сопровождать его на всяческих парадных мероприятиях и всем своим видом доказывать и показывать окружающим, что жизнь Сергея Владимировича удалась! Она попыталась вспомнить какие-нибудь счастливые моменты их жизни, но в голову ничего не приходило.

Когда они познакомились, Марина училась в финансово-экономическом институте, его тогда ещё только-только переименовали в университет. Тогда все институты переименовывали в университеты на иностранный манер. Кроме того её институт вошёл в моду, все хотели стать финансистами и не какими-то бухгалтерами, а именно финансовыми директорами и банкирами. Действительно, чему можно почти пять лет учиться по специальности «бухгалтерский учёт», когда бухгалтеров уже начали штамповать различные бухгалтерские курсы за два-три месяца?! Мама Марины в советское время окончила именно этот финансово-экономический институт как раз по бухгалтерской специальности и всю жизнь работала главным бухгалтером большого проектного института. Она презрительно относилась к новоиспеченным на курсах бухгалтерам, однако в духе времени всё же определила Марину не на бухгалтерскую специальность, а на специальность под названием «финансы и кредит».

У будущего мужа Марины, а ныне Рукожопа, тогда были какие-то дела с заведующим кафедры экономики производства, и он регулярно бывал в институте. Как Марина потом узнала, ему клепали там диссертацию. Тогда модно было покупать себе учёную степень, и профессура подрабатывала, как могла.

В финансово-экономическом институте всегда учились самые красивые девушки. И Марина считала себя самой-самой. Ну, разве он мог её пропустить. Ей очень нравилось, как на виду у сокурсников он шёл к ней по широкому длинному коридору института, громыхая всеми своими римскими доспехами. Челюсть вперед, стальные глаза, дорогой костюм, в руках элегантный портфель. Высокий, мощный, красивый! Тогда у него и в помине не было никакой лысины, даже намёка! Его белые практически льняные волосы были модно подстрижены в стиле «универсального солдата». Он шёл к Марине специально, чтобы только поздороваться. Потом стал подвозить её после занятий домой на своём модном иностранном автомобиле Вольво. Тогда иностранных автомобилей в стране было ещё очень мало, шиком считалась какая-нибудь вишнёвая девятка. А тут Вольво! Автомобиль был похож на авианосец. Ей все девчонки завидовали. Потом… Память категорически отказывалась выдавать, как они в первый раз переспали. Просто Марина помнила, что ей как-то это не очень понравилось и всё. Но все девчонки говорили, что в первый раз редко кому это нравится. А некоторым вообще не нравилось ни в первый, ни во второй, ни в третий. Марина была в их числе, но она решила, что, наверное, так и должно быть. Потом он сказал, чтоб она выходила за него, так как он самый лучший. Лучше она не найдет. И Марина согласилась. Правда, мама с папой были категорически против, но кто же в этих вопросах прислушивается к мнению родителей. Мама вот уже двадцать пять лет терпеть не может дочкиного мужа, поэтому и видятся они редко, особенно после смерти отца, который ещё как-то умел находить с зятем общий язык и разряжать обстановку шутками. При мысли о маме Марине сразу захотелось к ней на ручки. Надо будет съездить на следующих выходных.

Размышляя о том, о сём, Марина всё же заснула, и под утро ей приснился Байкачаров. Чего он только ни вытворял. От этого вот Марина и проснулась. Вспомнила, как декабристы разбудили Герцена, а тот ударил в «Колокол». Похоже, Байкачаров, как те самые декабристы что-то с ней сделал такое, что она стала совсем другим человеком. Марина глянула на часы, приняла душ, оделась и отправила Ляле эсэмэску. Марина знала, что Ляля в выходные дольше, чем до девяти не спит, не получается у неё дрыхнуть до двенадцати, но на всякий случай решила узнать, можно ли уже выдвигаться в сторону завтрака.

Ляля ответила, что давно и с нетерпением её ждёт, и Марина пошла в хозяйский дом. Когда она уходила, Рукожоп ещё храпел в своё удовольствие. Намаялся бедный по бабам скакать.

На кухне Ляля уже развила бурную деятельность по приготовлению завтрака. Стол был накрыт и сервирован. В кастрюльке на плите, укрытая полотенцем, едоков ждала овсяная каша, на блюде высилась горка тостов, рядом стояла миска с деревенским творогом, вазочка с вареньем, тарелка с вареными яйцами, тарелка с буженины и сыром, тарелка с малосольной сёмгой, а также специальная серебряная мисочка с красной икрой. То есть, голодная смерть гостям точно не грозила.

Подруги расцеловались.

– Дай кофе, – попросила Марина.

– Один момент. – Ляля нажала на кофемашине кнопку для приготовления «американо». Уж, кто-кто, а она прекрасно знала вкусы подруги. – Ну, рассказывай.

– Рассказываю. В четверг повела важную московскую шишку ужинать. Ганнушкин попросил. Ну, ты знаешь, командировочного обязательно выгулять надо, это традиция, а сам Ганнушкин с женой в театр наладился. Шишка важная, так что выгуливать должен кто-то из руководства. А мне чего? Мне не трудно, всё лучше, чем дома одной сидеть. Серёжа же в командировку отбыл. В Женеву. Повела, значит, прекрасного мужчину в «Большую кухню». А куда ещё? Место известное, удобное, машину поставить можно. Вот там, в ресторане при выходе и застукала Серёжку с бабой, – начала Марина.

– Ну, мало ли по делам, – высказала предположение Ляля, передавая Марине чашку с кофе. – Ты же тоже там с шишкой мужского пола выступала. С прекрасным мужчиной, сама сказала.

– Ага. Только ты забыла, что Серёжа в это время должен был быть в командировке в Женеве, а не по делам в ресторанах. И эту шибко деловую бабу он вот так вот держал. – Марина встала со стула и ухватила Лялю за задницу.

– Ой! – пискнула Ляля и слегка подпрыгнула. – Прям вот так?

– Хуже. – У него пальцы были прям там, ну, ты понимаешь… Вместе с её платьем. Жопа буквально съела руку. Съела вместе с обручальным кольцом.

– Фуууу! А ты чего?

– Ничего. С учётом того, что накануне мне позвонила Серёжина невеста Лена, консерваторка лет двадцати, которую он в качестве предновогоднего сюрприза отвёз в Вену и повёл на оперу «Дон Жуан»… – При этих словах Марины челюсть реально отвисла уже у Ляли. – Сначала думала сигануть из окна или прям с галереи вниз головой, потом передумала и решила для начала с горя выпить, то есть буквально нажраться.

– Правильно передумала, хорошая мысль. Первое средство от депрессии. И?

– Нажралась в зюзю текилой и переспала с заказчиком.

– С московской шишкой?

– Именно! С прекрасным мужчиной. И так мне это понравилось, ты себе даже не представляешь. Так что пришлось повторить и не один раз. Всё утро повторяли и всю пятницу до самого вечера!

– А Серёжка чего?

– Чего, чего? Ты же видела, чего! Почуял чего-то, сюда примчался, решил, что я с Виктором твоим шуры-муры кручу. – Марина усмехнулась.

– Это плохо, очень плохо. Витьке проблемы не нужны, у него своих полно. Серёжа твой собственник, каких мало, запросто Витьке какую-нибудь козью морду устроит. Ну ладно, а заказчик твой чего? Шишка московская?

– Заказчик? А ничего. Если бы ему не в Москву возвращаться, я бы и сейчас с ним была. Ты даже не представляешь! От него просто невозможно оторваться. Но у него в субботу утром какая-то встреча важная.

– Жену из отпуска встречает, не иначе! – сыронизировала Ляля. – Все они одинаковые.

– Нет, он не такой. Он хороший и ни капельки не женатый. – Марина мечтательно закатила глаза к потолку. – И ещё красивый. Весь такой, не знаю, как сказать. Я

только теперь понимаю, что такое настоящий секс. Мама дорогая! Сколько времени-то пропущено. Сначала мурашки по всему телу, потом сплошной оргазм. В одно касание!

– Не врёшь? Так разве бывает?

– Ещё как бывает! После такого уже ничего другого и не надо.

– Ага! Сейчас, значит, начнешь мучиться: позвонит – не позвонит. И вся эта маета, как в юности.

– Не начну. Он мне точно не позвонит. У него моей мобилы нет. – Марина захихикала. – А у меня его.

– Не поняла.

– Да с ним секретарша наша связывается обычно через его секретаршу.

– А он твоим номером не поинтересовался? У тебя лично, когда демонстрировал тебе хороший секс.

– Нет. Он мне свитер подарил. – Марина назвала марку фирмы, изготовившей этот свитер. – Его надо шиворот навыворот носить, чтоб все этикетку видели! Умрут от зависти.

– Ни фига себе! Я, считай, уже умерла. – Ляля присвистнула. – У них носки шёлковые практически по пятьдесят тысяч. Петюне как-то сертификат подарили.

– На носки?

– На пятьдесят тысяч. Можно потратить у них в магазине. Вот. Мы носки купили и галстук, как у президента. Один в один. Так то, когда было! Тогда доллар в два раза дешевле стоил. Так что теперь точно только носки на такие деньги и купишь. Петюня, конечно, хотел ещё денег добавить и уже купить чего-то посущественней, но я его быстро оттуда увела. Терпеть не могу, когда людей за дураков держат.

– Сколько ж этот свитер стоит? Надо зайти посмотреть.

– Зачем? Чтобы узнать за какие деньги ты отдалась московскому командировочному? Так сказать, получить представление о расценках. Чтоб потом уже брать по прейскуранту.

– Ляля! Вот ты дура! Злая причём. Мне муж изменяет, ты не забыла?

– Подумаешь! Они все изменяют. Так устроены. Самцы.

– И Петюня твой?

– И Петюня! Устроен так же, тютелька в тютельку. Только кто ж ему позволит изменять?

– А как ты не позволишь? Он у тебя каждый день на работу вроде ходит, а там секретарши разные и бухгалтерши молоденькие. Сплошное искушение. Он, конечно, не прекрасный принц, но мужчина вроде состоятельный хотя бы с виду.

– А я в отличие от тебя про простатит сказки слушать не буду. Отведу к врачу, анализы проверю и прибью, если что. Он это знает и боится.

– Ага! Мечта всей жизни! Тебе такое надо? Боится, поэтому любит тебя изо всех сил. Но это, ладно, дело десятое, каждому своё. Петюню твоего прибить ещё можно, ты иди, попробуй Рукожопа моего стукни. Я ему про развод, а он мне кукиш под нос. Говорит, изменял, изменяю и буду изменять, а ты сиди дома и внуков нянчи.

– Так и сказал?

– Практически.

– Вот козёл.

– А я тебе что говорю?

– Кто козёл, где козёл? – В дверях показался Виктор. – Завтракать дадут?

– Дадут, дадут! – Ляля расплылась в счастливой улыбке. – Садись за стол. Как спалось?

– Хорошо, как в море. Так же тихо. А где Петюня?

– Петюня уже позавтракал и пошёл в правление ругаться насчёт снегоуборки. Каждую зиму одно и то же. Деньги платим, а убирают через пень колоду.

– А где Окологазпром?

– Кто поминал Газпром всуе? – В помещение ввалился Рукожоп. – Каши хочу!

– Помяни чёрта он и явится, – тихо заметила Марина, делая себе ещё чашку «американо».

Надо же, как тихо подкрался, мерзавец, даже и не звенело ничего, пока раздевался в прихожей. Марина уже начала подозревать, что именно там у него постоянно звенит.

– Сейчас-сейчас, – закудахтала Ляля, накладывая Рукожопу кашу.

– А мне каши? – попросил Виктор.

– И тебе, разумеется.

Мужчины застучали ложками, а довольная Ляля уселась напротив любоваться, как они едят. Ну, да! Нет ничего приятней, когда приготовленная тобой еда улетает в мгновенье ока. У Ляли с Петюней не было детей, и Ляля реализовывала своё материнское в заботе о муже. Марина тоже привыкла о муже заботиться не меньше, чем о сыне. Она всегда по утрам готовила ему на завтрак эту самую полезную кашу, и в выходные, и в будние дни, несмотря на то, что оба уходили рано. Марина ставила будильник пораньше, чтобы успеть привести себя в порядок и сварить кашу. Сама она обходилась тостами и кофе. Ужин же в последнее время всё чаще и чаще перестал быть событием, так как по вечерам Сережа задерживался на работе и приходил поздно. Зато те вечера,

когда он оказывался дома, стали для Марины праздником. Она старалась изо всех сил накормить любимого Серёженьку повкуснее да пополезнее, изучала новые рецепты, экспериментировала всячески. Надо сказать, он всегда высоко ценил её кулинарные способности. Многие люди из их круга взяли моду приглашать домой поваров, но муж Марины всегда говорил, что его жена готовит круче любого повара.

Марина ела вкусный деревенский творог, смотрела на мужа, уплетающего Лялину кашу, и не испытывала никаких чувств, кроме сожаления и досады на собственную глупость. Надо всё-таки иногда маму слушать. Вспомнив о маме, она решила не откладывать свой визит к ней, а поехать сразу же после завтрака. Не домой же действительно ехать? Что там делать? Рукожопом любоваться? Покончив с завтраком, она поблагодарила Лялю за гостеприимство, сказала Виктору, как приятно ей было с ним познакомиться, и направилась к выходу.

– Ты куда это? – поинтересовался Рукожоп.

– Поеду, пожалуй, – сообщила Марина.

– Это я вижу. Я спрашиваю, куда собралась?

– К маме собралась. А что?

– К маме езжай. – Милостиво разрешил Рукожоп и попросил у Ляли добавки.

Выходя из дома Ляли, Марина почувствовала, что начинает слегка ненавидеть мужа. Она позвонила матери, сказала, что заедет, та явно удивилась.

После смерти отца мама жила одна на Петроградской стороне в большой квартире бывшей коммуналке. В начале перестройки соседи выехали на постоянное место жительства, как тогда говорили, на историческую родину, и уступили свою жилплощадь родителям Марины по сходной цене. Отец сделал капитальный ремонт, и квартира по тем временам стала практически, как у «новых русских», потом в доме отремонтировали лестницы, поменяли на них разбитые окна и закрыли парадную на замок с переговорным устройством. Сейчас эта квартира стоила огромных денег, мало того, что находилась практически в центре недалеко от метро, так ещё и все окна выходили в тихое

место на зелёный сквер. И хотя Марина родилась и выросла в этой квартире, она почему-то никогда не считала её домом. Ей всегда казалось, что её собственный дом обязательно будет другим. Сейчас же её собственный дом, то есть квартира, где она жила с мужем, напоминала родительскую, как две капли воды. Разве что санузлов больше и мебель пошикарней. А так… Как будто один дизайнер всё планировал. Конечно, существовала ещё родительская дача в Репино, вот там, да! Там Марина чувствовала себя дома, но после смерти отца дача стояла заброшенная, и мама задумывалась над тем, чтобы её продать.

В воскресенье на Петроградской стороне было тихо и пусто. Платные парковки сюда ещё не добрались. Марина без труда нашла место для машины.

Мама ждала её, как всегда вооружившись свежезаваренным чаем. Она терпеть не могла чай в пакетиках, называла его «сено-солома» и привозила настоящий цейлонский чай из дружественной Финляндии, куда регулярно каталась с подружками на шопинг. Кроме чая Марину поджидали разномастные печенюшки. Марину всегда удивляло, как мама, регулярно употреблявшая все эти вредные для фигуры вещи, совершенно не толстеет. Мама вообще выглядела прекрасно. Она учила Марину, что женщина обремененная интеллектом должна иметь соответствующую внешность. Некрасивых женщин не бывает, говорила она, бывают глупые и ленивые. Мама всегда следила за фигурой, одевалась элегантно и никогда не выходила из дома без причёски и макияжа. Марине с детства всегда казалось, что мама, как героиня сериалов, уже встает с постели вооружённая любимой причёской под названием «Бабетта». Папа над ней всегда смеялся и называл эту причёску министерской. Мама обижалась и говорила, что он путает «Бабетту» с «Халой».

– А где же шоколадный тортик? – удивилась Марина, не найдя на столе любимого маминого десерта.

– Испортился! – поведала мама, разливая чай. – Пальмовое масло! Антисанкции, то есть импортозамещение, сама знаешь. Интересно, где у нас в стране вырабатывают это чёртово пальмовое масло, чтоб им замещать нормальное сливочное? Всю кондитерку невозможно в рот взять. Вот попробуй финское печенье с шоколадом. Совсем другое дело. Ты не знаешь, почему за что наши ни возьмутся, у них постоянно какое-то непотребство получается?

– Ты имеешь в виду КПСС, автомат Калашникова и майонез Провансаль?

– Майонез не трожь! Его сложно испортить. Хотя если туда пальмового масла … И автомат Калашникова – хорошая вещь. Правда, ходят слухи, что его пленные немцы всё же изобрели. А КПСС не так уж и плоха была, если сравнивать её с нынешними партиями. Жуликов там точно было гораздо меньше.

– Ещё есть Аэрофлот и Сбербанк.

– О, да! Летайте самолётами и храните деньги! Никогда не забуду.

– Сбербанк, между прочим, семимильными шагами движется в сторону цифровой экономики. Они там планируют полную роботизацию.

– Да, что ты говоришь? – Мама расхохоталась. – Открою тебе секрет, там всегда роботы работали. И при Советах, и сейчас. Разве они похожи на людей? Только робот может придумать брать комиссию с переводов из отделения в отделение. Я вот всё жду, когда наши пенсионеры, наконец, осознают, что их пенсии захватили роботы, и уйдут оттуда.

– Куда? На почту?!

– Тут ты права! В двадцать первом веке некоторые до сих пор на почту за пенсией ходят, в очередях стоят. Но скоро всё наладится, я уверена. Эти вымрут, остальные до пенсии не доживут, так что очередей не будет. Ну, да Бог с ними, что у тебя случилось? Я же вижу. С Юркой всё в порядке?

– С Юркой всё хорошо.

– Как же я по нему соскучилась, по птенчику моему. – Мама тяжело вздохнула и полезла за сигаретами.

– Курить – здоровью вредить, – сообщила Марина.

– Догадываюсь. – Мама с удовольствием затянулась. – У меня все анализы хорошие.

– Слава Богу. А я решила развестись, пока у меня анализы не испортились.

– С чего бы это тебе разводиться? – Мама явно удивилась. Правда, челюсть у неё не отвисла.

– Изменяет.

– Почему-то именно это меня ни капельки не шокирует. Мне кажется, измена – это естественное состояние твоего …, – Мама явно попыталась подобрать подходящее определение своему зятю, но не стала этого делать. Странно! Раньше она никогда не стеснялась в выражениях, если дело касалось мужа дочери.

– Тебя это не шокирует, потому что ты умная и меня предупреждала. Я хорошо помню.

– Да, я умная, поэтому и сейчас тебе советую глупостей не делать. Подумаешь, изменяет. – Мама пожала плечами и фыркнула.

– Но ты же говорила… – Марина опешила.

– Говорила. То когда было? Это в двадцать лет за эту сволоту не надо было замуж выходить, а когда на носу сорок пять, как говорится, поздно пить боржоми.

– Почему это?

– Потому что это в кино «в сорок лет жизнь только начинается»!

– Что-то я тебя не понимаю.

– Чего тут непонятного? Тебе, моя дорогая, далеко не сорок! Тебе скоро аж целых сорок пять. И уж если в двадцать найти себе путного мужа трудно, то в сорок пять, нечего и стараться. Нет, помечтать, конечно, можно. Говорят, мечтать не вредно. Хотя, на мой взгляд, очень даже вредно. Из-за глупых мечтаний обычно и делаются разные дурацкие поступки. А кроме того твой муж он кто?

– Кто?

– Номенклатура. Вот кто. Как были они около власти, так и остались. Что папаша его, что сыночек. Думаешь, они чего-то сами, своей головой добиться могут? Нет! Они всегда при калитке. Вернее, своей головой они могут добиться исключительно места при калитке. Ну, может, и правильно. Калиточники всегда на коне.

– У калитки это как?

– Сами ничего полезного не производят. Называй это калитка, труба или ещё как-нибудь. Хоть граница! Пересек – плати. И женился этот козел на тебе только потому, что в те времена папаша его растерялся, запутался слегка. Передел был, сразу и не поймешь, кто нужный, кто нет. Отец твой в депутаты тогда подался. Перестраивать всё хотел. Он этой семейке до зарезу нужным казался.

– Ты хочешь сказать, что я сама по себе ничего ценного из себя не представляю, и поэтому на мне можно было жениться исключительно по расчёту?

– Ну, что ты! Ты у нас умница и красавица получилась, только это существо на тебе бы никогда не женилось, не будь твой папа депутатом. Другой бы женился непременно. А этот нет. Представляешь, как он обломался?

– Почему это?

– По кочану! Потому, что папа твой с его депутатством оказался для их семейки бесполезным, не пристроил зятя в Москву с портфелем в министерство ходить.

– В какое министерство?

– Да им без разницы, в какое. Они же всё умеют, всё знают. Поэтому сейчас это и происходит.

– Что?

– Реванш – вот что! – Мама постучала себя по лбу. – Хорошо отец не видит всего этого, царствие ему небесное. – Мама перекрестилась. – Они опять в силе и при делах. Сейчас образование, умения и способности ничего не решают, всё решают связи. Ох! Говорили нам соседи наши Гринберги, уезжайте, детей

спасайте, пока молодые! Мы не послушались. А евреи всегда самые умные были. Их надо слушать!

– Ты преувеличиваешь!

– Хотелось бы. Только, милая моя, сдается мне, что твой, не знаю, как и назвать-то его, тебя из своих лап не выпустит. Тем более, что за спиной твоей никакого всесильного папы нет. Они сейчас с жёнами церемонятся, только если у тех за спиной папаша-воротила или целый аул со свирепыми братьями. Или он против развода не возражает? Говорит, ступай, родная, на все четыре стороны?

– Не говорит. Кукиш показывает.

– Вот! «Сам не ам и другим не дам»! Не допустит он, чтоб ты от него ушла. Он, если захочет, если ему какая-нибудь выгодная партия подвернется, в два счёта тебя на помойку выбросит, а вот чтоб ты сама… Да, ни за что! Что люди скажут?

– Какие люди?

– Уважаемые! Референтная группа называется. У Ляльки своей спроси, что это означает, она психолог. В его референтной группе жёны мужей не бросают. Они сидят дома, рожают детей и молчат в тряпочку. Как говорила твоя бабушка, не питюкают!

– А я адвоката найму.

– Тю! Кому сейчас адвокат помог?

– Мам, а что же тогда делать?

– Ничего не делать. Затаиться и жить дальше. Женщины веками так живут. Без уважения, в отвращении и ненависти к мужу. Не ты первая, не ты последняя.

– Не хочу.

– Конечно, не хочешь. Кто ж хочет? Но, согласись, положение твоё не самое бедственное. Смотайтесь с Лялькой за границу, или к Юрику езжай, сына

проведай. Ну, не знаю, что ещё тебе посоветовать. Любовника себе заведи, в конце концов! Только будь осторожна. – Мама достала новую сигарету. – Вспомни, тебе всегда нравилась его железная хватка. С чего ты взяла, что в отношении тебя эта хватка станет какой-то другой или вдруг ослабнет?!

– Но, если что, если я всё же решусь от него уйти, я могу на тебя рассчитывать? Не в смысле к тебе жить переехать. Мы взрослые люди, нам отдельно жить надо, я понимаю. А в смысле помощи.

– В смысле помощи всегда! Только чем я тебе помочь в этом деле смогу? Вот вопрос! Кстати, и жить тоже можешь переехать. Если захочешь, конечно. Обещаю особо тебе не указывать. Кому сейчас мать указ?

Когда Марина вышла от матери, уже совсем стемнело. Домой ехать не хотелось. Да какой это теперь, собственно говоря, дом? Так, берлога прелюбодея Рукожопа. Марина вдруг почувствовала, что, несмотря на материнские печеньки, хочет есть, и решила заехать в тот самый ресторанчик, где они с Лялей обычно встречались за бизнес-ланчем.

Около ресторана тоже оказалось полно свободных мест для парковки, внутри было пусто. Марина заказала себе целую кучу всего и с удовольствием поела. Расплатиться она решила с помощью своей зарплатной карточки, но не тут-то было. Банк карточку упорно не принимал. Марина вспомнила, что карточку недавно поменяли, её привезла из банка Маринина помощница Кристина вместе с конвертом пин-кода и велела активировать в банкомате, что Марина так и не удосужилась сделать. Пришлось достать карточку Рукожопа. Когда официантка вставляла её в считыватель, мелькнула мысль, а вдруг Рукожоп эту карточку заблокировал. Мало ли. С него станется. Позвонил в банк и вуаля. Уж если её муж имел на кого-то зуб, этому кому-то нельзя было бы позавидовать. Та самая железная хватка. Мол, хочешь развода, оцени сразу жизнь без моей карточки. Однако всё обошлось, платеж прошёл, и Марина выдохнула с облегчением. Действительно с чего бы это уважаемому Сергею Владимировичу иметь на неё зуб. Это Марина в данной ситуации на него зуб имеет. Ещё какой!

Дома её поджидал Рукожоп, развалившийся на диване перед телевизором в гостиной. По телевизору энергично пели про забивание свай. Рукожоп отбивал такт ногой.

– Ну, как там старушка мама? – поинтересовался он, выключив звук.

– Скрипит помаленьку, – сообщила Марина.

– Это хорошо, что скрипит. Присядь-ка. – Он повелительно похлопал по дивану рядом с собой.

Марина вспомнила, что ей посоветовала мама, и послушно села. Рукожоп крепко обнял её за талию и придвинул к себе.

– Значит так. Шею тебе я сворачивать не буду, бить тоже. Повременю пока. Ты всё-таки мать моего сына…, – начал он.

– И на том спасибо, – вставила недоумевающая Марина. С чего бы это ему ей шею сворачивать?

– Заткнись. Но фраеру твоему московскому мало не покажется, только дёрнись. Вылетит из Москвы в свою Тьмутаракань в два счёта. Или откуда там они в столицу понаехали. И еще хочу, чтоб ты запомнила, когда кто-то трахает тебя, он не тебя трахает, и не меня, и не мою контору, он считай всю мою уважаемую отрасль трахает.

– Ну, так у вас там, известное дело, какой поток, – не удержалась Марина.

– Тебе надо язык отрезать. – Он больно взял её за волосы, намотав их на кулак.

– А тебе руки, чтоб не пихал, куда не следует.

– Ох, договоришься. Всё. Свободна. – Он отпустил её и слегка пихнул.

Марина встала и пошла в ванну. В этот момент она уже ненавидела мужа далеко не слегка. По полной программе ненавидела. Оставалось понять, что ему известно и откуда. И вообще может ли он как-то навредить Байкачарову? Вот гадство. Как назло и телефона Байкачарова у неё нет. Даже не предупредить. Она села на край ванны и задумалась. По всему выходило, что узнать о её измене Рукожоп мог только от Ляли. Ну, конечно, у Петюни же проблемы с бизнесом, а Лялька мечтает, чтобы Рукожоп его к себе в контору пристроил на

хлеба окологазпромовские. Опять же вон она как испугалась за своего братца, не дай Бог, Рукожоп подумает, что у Марины с ним шашни. По всему выходило, что Рукожоп прав, она действительно, дура! Причем дура наивная. Вот кто её за язык тянул? Ну, так подруга же! Лучшая! Как не поделиться? Вот гнида!

Ночью он её… Несмотря на пижаму с мячиками и собачками. Марина раньше всегда думала, как такое может случиться, чтобы муж вдруг взял и жену изнасиловал, ведь они по идее должны любить друг друга. А когда любят, разве насилуют? Оказывается, насилуют да ещё как. Так ведь и не любят вовсе. А самое страшное, что об этом не просто по телевизору разные истерички рассказывают, как Марина раньше думала, и не байки это, не сочинения воспалённого мозга, выходит, случается такое в обычной человеческой жизни. Вот и с Мариной случилось.

Потом, отвалившись от неё, сказал:

– Вот теперь ты, наконец, знаешь, что такое настоящий секс!

«Какая же всё-таки Лялька сука»! – подумала Марина.

Реветь она не стала. Именно, как говорится в книжках, «взяла волю в кулак», чтобы не доставлять ему удовольствия. Заснула только под утро. В результате проспала. Когда проснулась, его уже не было дома. Не стал каши дожидаться. И на том спасибо. Ведь мог бы разбудить, дать пинка и заставить кашу варить. Или глаз подбить, например, чтоб пошевеливалась. Хотя нет, обещал вроде не бить, раз она мать его сына, тут ей, вероятно, повезло, а вот не насиловать не обещал. Она умылась, привела себя в порядок, позавтракала и поехала на работу. Всю дорогу мучилась мыслью, что теперь делать дальше? Мириться с подобным она не собиралась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/myasnikova_irina/sovmestno-nazhitoe

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити